

18+

АЛЕКС НЕРОЗНИКОВ

Шмары, шпики и лимоны зелени

ПТО (ПЕРЕДАТЧИК ТЕЛЕСНЫХ
ОЩУЩЕНИЙ)

Алекс Нерозников
Шмары, шпики и лимоны
зелени. ПТО (Передатчик
телесных ощущений)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66553862

ISBN 9785005543530

Аннотация

Старого сыщика, уволенного из Органов, как несправившегося, неожиданно зовут продолжить поиски неуловимого маньяка, убивающего чудовищным образом уже пять лет. Расследование приводит его в Бологое и, кажется, он уже поймал маньячку «на живца», но когда та, пораженная КОВИДом, помирает в изоляторе, маньяк сам звонит ему и приглашает. Таким образом он в виде жертвы принимает участие в древнекитайском ритуале достижения вечной жизни Фэн Шань. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие Сказительницы	6
1. Кабысток	10
2. ЕВА	16
3. Витюнчик	19
4. Серый	25
5. Кабысток	35
6. Виола	41
7. Кабысток	48
8. Ева	60
9. NNN	67
10. Серый	71
11. Клюв	75
12. Серый	78
13. Ева	82
14. Виола	93
15. Виола	102
16. Кабысток	107
17. Ева	110
18. Виола	117
19. Витюнчик	120
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Шмары, шпики и лимоны зелени ПТО (Передатчик телесных ощущений)

Алекс Нерозников

© Алекс Нерозников, 2021

ISBN 978-5-0055-4353-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С огромной благодарностью Ирине Судаковой, не только директору музея Бологое, не только центральному лидеру литобъединения и прекрасному поэту, не только!..

*Я задаю серьезный вопрос. Нешуточный.
Вот в когнитивном смысле: как людям
пришло в голову начать дублировать мир?
Почему наш мозг таков, что он хочет
все время дублировать миры? Вся наша
цивилизация на этом стоит.
Татьяна Черниговская*

*Как помочь мозгу в эти непростые времена?
Цифровая эра – это принципиально другая
жизнь. Мы еще не почувствовали, куда
мы попали: цифровизация, переход на новые
способы подачи информации, интенсивность
обмена, мультимедийность.*

Александр Яковлевич Каплан

Предисловие Сказительницы

Живу я практически на улице, на улице Мира. Имею еще, как ни странно, паспорт с пропиской в давным-давно сгоревшем доме. Это означает, что у меня нет ни жилья, ни работы, ни каких-то обязательств своей стране, которая зажала мне пенсию по старости, квалифицированное лечение и много-много еще чего! Это к тому, что мне глубоко насрать на всяческие запреты и предписания относительно той истории, что я хочу Вам рассказать. И о которой у нас тут все шепчутся по углам, а служащие в штатском (ха-ха!) обещают за это трехразовое питание на веревках с аминазином.

К тому же нашлись вдруг доброхоты (поначалу я приняла их за ментов), которые стали мне наливать и даже накладывать закусь лишь за мою трепотню. Дело в том, что я немного больше других была замешана в этой истории, лично знала почти всех участников. Хотя кое-что, конечно, приходится и утаивать, и досочинить. Потому как некоторые, эвон, записывают, а мне же надо иметь хоть какой-то запас тайн на опохмелку! Да, может они и шпионы какие-то каких-то враждебных нам стран, может быть, потому, как наши всевозможные Органы постарались потихоньку замять эту историю, нигде о ней не было ни слова.

Мой знакомый журналюга, которому вера еще осталась, поскольку он старинный любовник и собутыльник, даже за-

плакал над стаканом по этому поводу! Оказалось, что он так-таки накарябал что-то по этой теме и отнес в свою редакцию. Но его так отчехвостили во всех инстанциях и во все отверствия, что ему не то, что доносить до общественности, ему и в пивной трепаться об этом расхотелось! С него даже взяли подписки о невыезде и неразглашении! Вот так-то!

А мне-то что, у меня ни доходов, ни крыши над головой, ни друзей, ни семьи, ни копейки в кармане. И обетов я никому никаких не давала – свободна, как сквозняк в сортире!

ИТАК, попробуем:

20 мая 2020 года звонок с мобильного в дежурную часть полиции Вышнего Волочка. Мальчишески ломающийся и заикающийся голос:

– На Красных Печатников!.. Номер... Номер не знаю!.. Там большая сосна!.. Дом брошенный!.. Короче, в доме мертвый! Все! – звонок оборвался.

Слоняющийся по коридору со смартфоном перед собой лейтенант Федотов нутжно ухмыльнулся, выставив перед собой холеную ручку:

– Нет-нет-нет!.. Ты бы меня еще в женскую баню послал!..

Капитан Матвейчук всем нутром не переносил этого хлыща-высочку, сына известного в городе бандита. Хоть и ни разу не осужденного при многочисленных приводах по молодости.

– Женских бань не бывает, чтоб ты знал! Бывают женские

отделения! – и положил на полочку под окошком не до конца заполненную заявку. – Сгоняй на Красных Печатников к вокзалу, где большая сосна у дома. Номер не помнят или не знают. Надо проверить. Там старенький брошенный домик ближе к вокзалу. Мальчишки залезли и нашли, якобы, труп! Надо проверить.

– Ладно! Но он же никуда не убежит уже! Пойду сперва чайку глотну!

– Смотри, чтоб не затошнило! Может, там уже черви с палец толщиной!

– Вот умеешь ты, капитан, приятного аппетита пожелать! – по-прежнему ухмыляющийся Федотов пошел вихляющей походкой, «грациозно» помахивая листом бумаги.

Капитан вздохнул, скрипнув зубами: бывают же такие гады!

У него бы заметно потеплело на душе, если б он своими глазами увидел, как лейтенант на крыльце того самого дома на Красных Печатников меньше чем через час с посеревшим лицом борется с неудержимыми позывами к рвоте.

Труп был привязан за руки и разведенные ноги к андреевскому кресту. Под распахнутой джинсовой курткой и над приспущенными спортивными штанами было сплошное красно-черное месиво, к тому же густо облепленное мухами. И эти же жирные насекомые, слетая с окровавленного мертвого тела, норовили сесть и на лицо в санитарной маске Федотова. Только что перекусившего.

Нет, не так! Надо по-другому:

1. Кабысток

Матвей Егорович поднялся еще до гимна СССР, который звучал из его будильника на час раньше нынешнего «Славься Отечество» по радио России. А проснулся он и того ранее от жутковатого кошмара-воспоминания. Часа два пролежал, глядя в потолок, расцвеченный неонам реклам за окном.

Сыщики никогда не хвалятся своим последним в карьере делом. Потому что оно оказалось им уже не по зубам. Из-за него их и выпроваживают пусть и торжественно, со всеми почестями, привилегиями и наградами. Ведь в себе мало кто замечает признаки старения. А мужчинам вообще свойственно не признавать поражений.

Последний труп был обнаружен еще зимой, до пандемии, в номере средней руки питерской гостиницы «Астра +». С почасовой оплатой, т.е. предназначенной для свиданий. С гарантией отсутствия видеокамер, за что взымалась доплата. Администратор с охранником, открывшие номер утром по истечении заявленного времени, сначала просто остолбенели в дверях. Затем сорокачетырехлетняя, немало повидавшая на своем веку дама без чувств ухватилась за косяк. А тридцатидвухлетний боец смешанных единоборств за ее спиной выложил на палас весь свой протеиновый завтрак.

На шикарном, 2,5х2,5-метровом ложе с резной спинкой изголовья лежала груда окровавленного мяса. От которого

отходили в разные стороны пристегнутые к кровати конечности. Даже лица не было видно из-за содранной с подбородка кожи и заткнутого секс кляпом рта. Ранений было около сотни, точнее сразу и не определить. Но самое жуткое зрелище представлял собой пах покойника – пенис с выпотрошенной почему-то мошонкой были вырезаны одним куском и всунуты назад раной наружу. Словно бы он сам себя трахал. Без тестикул.

Именно эта картина и привиделась в предутренней дреме ушедшему на покой сыщику. Потом поползли воспоминания.

Первый труп с так же вырезанным и вставленным рану пенисом, правда уже слегка разложившийся, нашли пять лет назад в деревне Кафтино Бологовского района Тверской области, в стоящей на отшибе, давно заброшенной избушке. Это оказался пропавший более полугода назад Швецов Григорий Матвеевич, бармен ночного клуба «Радуга» в Боровичах. Тогда еще не могло быть речи о мании, доклад об этом преступлении он прочел в полглаза, как говорится, полагая, что это творчеством особо страстной ревнивицы. А уже после третьего подобного убийства (еще были в Удомле и Осташкове) дело постарались отнять – москвичам, мол, виднее. У них там спецотдел по маньякам.

И таких зверств случилось немало по центральной России от Санкт-Петербурга до Москвы. Восемь за пять лет. Все случаи объединяли вырезанные и вставленные головкой

в рану половые органы без тестикул. А также неглубокие порезы по всему торсу, обнаженному телу, привязанному за руки и ноги. Чаще к доскам, сколоченным в виде андреевского креста, но иногда и к кровати. Хорошо хоть, за сорок лет службы Матвей Егорович обзавелся нужными связями!

Но самое ужасное было в том, что этот маньяк был *новым*, очень осторожным – пока что не оставил ни одного следа – ни волоска, ни капельки спермы, крови или слюны, ни единого свидетельства хоть каких очевидцев! Будто невидимка какой-то!

Кабысток не раз и не два проштудировал всю картотеку российских маньяков и способов их разоблачения, чуть ли не наизусть вызубрил! А это ведь огромные кипы документов! Один только взятый в девяностом Чикатило из Ростова с пятьюдесятью тремя убийствами – уже целая Советская энциклопедия! Не далеко от него ушел Оноприенко (лишь на убийство меньше), но «Гражданин О», похоже, больше кайфовал от прибыли – был грабителем, в то время как Чикатило корчился от наслаждения в момент агонии жертвы. Как и «Битцевский маньяк» Пичужкин. Да и Сергей Ткач, начавший насиловать и убивать после расставания с женой. Вот и Михасевич, в советские годы зазывавший покататься на «Запорожце». По данным статистики больше всего этих уродов было в столице нашей родины и Ростовской области. А самый, возможно, первый, если не считать официальных борцов за счастье человечества, был Комаров Василий, «ша-

боловский душегуб», загубивший тридцать три души всего за три года с 1921-го по двадцать третий.

Тогда подполковник МВД вдруг почувствовал усталость, он словно бы в стену бился, в стену без единого просвета, хотя и занимался этим делом параллельно с другими, помельче. Это же самое, по всей видимости, почувствовали и в Министерстве – его торжественно, с ценным подарком в виде путевки в Геленджик, тогда еще открытый, отправили на заслуженный отдых. Который он лично не считал заслуженным. Нет! он не заслужил ТАКОГО позора – уйти, не закончив дела, не посадив зверя в клетку. Душу грело (к его тайному стыду) лишь то, что упыря так никто и не поймал. Ни для кого не тайна, что раскрываемость у нас в провинции держится на половине – в основном, пятидесяти, а то и менее процентах. Время от времени он названивал некоторым избранным коллегам в столицу и всегда получал один и тот же ответ: «Ходит, гад, на свободе!» И он, отлично понимая, что это неправильно, не по-людски, радовался.

Ранние пробуждения всегда ломают режим. Как и тогда. Поднялся он как вареный овощ, не помог ни холодный душ, ни крепчайший чай. Китайской зарядки Тай-цзы делать не стал – просто не смог. Заглянул в зеркало при бритье. Это был невысокий сухощавый на лицо, но уже с округлым животиком и очевидными мешками под глазами брюнет. С на-

чинающей слегка редеть и сидеть, но стриженной у самых дорогих мастеров своего дела в Твери шевелюрой. Он мрачно сплюнул и достал тайком отпечатанные и вынесенные материалы дела и принялся их просматривать.

Уже сварил и съел абсолютно машинально овсянку, уже прогулялся по скверу напротив своих окон для улучшения пищеварения и уже захотелось еще прилечь, когда заиграл мобильный «Лунной» Бетховена.

Номер не определился, и это не прибавило настроения.

– Я вас слушаю.

– Здравствуйте, Матвей Егорович! Я...

– Кто это?

– Это ваш коллега, майор Сеницын из МУРа.

Загрибок старого сыщика напрягся, по спине пошел давно забытый зуд – вот оно!

– Внимательно слушаю, майор!

Сеницын откашлялся – кому приятно признавать неудачу?!

– Еще одно убийство.

– В столице каждый час происходит убийство. А то и два!

– В Вышнем Волочке. Вырезанный член вставлен в образовавшуюся рану. Без тестикул.

Да, мурашки еще никогда его не обманывали!

– Но меня отстранили! Отправили на пенсию! В отставку!

И потом – этим давно ваши занимаются! Не считая того, что изоляция еще не до конца!...

– Матвей Егорович, вы больше всех занимались этим делом. В общем, не могли бы делиться соображениями?

– Из дому?

– Ну почему из дому?! Мы могли бы впоследствии оформить вам командировку! Если хотите!

– А как же вирус?!

– Полиция, пожарники и медики...

– Так я!..

Гудки обозначили конец разговора.

– Я в отставке, мать вашу так!.. – сердито сказал подполковник уже отнятому от уха мобильнику. Но в глубине души его уже поднималась волна радостного волнения, если не ликования.

2. ЕВА

(несколько раньше)

Проснулась она с очень грустными мыслями. Ни за окном, ни в коридоре никого не было. Ее мучила жажда. Такая, что открыв кран для полоскания рук в туалете, она долго не могла от него оторваться. «Нет! – сказала себе, – так пить нельзя!» И пошла вниз, в хранилище алкоголя.

Зюйд-Вест, вор в законе, отдыхал голый по пояс за столом перед камином. Маленький, метра полтора ростом, с седой, коротко стриженной головой и очень усталыми голубыми глазами, сидя он казался еще меньше. Всю его грудь и руки выше локтей покрывали синие тюремные наколки. Увидев ее, он накинул на плечи тельняшку.

– Ну как, получше?

Девушка кивнула, солгав.

– Во двор... выйти можно?

Он указал на скамейку напротив:

– Присядь!

Она подчинилась, опустив голову. Он отхлебнул из бокала пива, не предложив ей, и вздохнул.

– В молодости я, когда откидывался, чудил похлеще. Золотое было времечко! – налил стопку. – Выпей! У нас предстоит нелегкий для меня разговор.

Она жадно опрокинула стопку в себя, по жилам потекло

тепло, в голове слегка прояснилось. Он продолжил, тоже выпив:

– Есть вещи, которые нам никак не изменить, как бы мы того не хотели. Я вор. И научился обуздывать некоторые свои желания. Тюрьма научила. А тебе сейчас...

– Двадцать три.

– Правильно, двадцать три... – он вздохнул, налил еще себе и молча выпил. – Двадцать три. Шестерик ты отпарилась. Ты и жизни-то не видела! – налил еще и снова выпил. – Давай по чесноку – тебе нужен мужик, я правильно понимаю?

Девушка вздохнула, опустив пылающее лицо.

– Нет, я так не могу! – он вскочил, выхватил папиросу из пачки и закурил, прохаживаясь перед столом со стороны камина. – Пойми, Евушка, у меня никогда не было семьи, вора́м не положено. Я не жил подолгу с бабами, я не знаю, как мне с вами разговаривать! Да я и не разговаривал никогда! Заголил да оттянул! И все дела! Черт возьми!

– Теперь уже... нет, можешь? – тихо, почти шепотом куда-то вниз проямлила она.

– Ты что подумала, дура?! – он грохнул по столу кулаком. – Даже из головы выкинь! И чтоб впредь я!.. – налил себе в пиво водки и долгими глотками выпил, похрустел квашеной капустой из блюда. – Короче. Мне пацаны подсказали. Существуют не только девки по вызову, но и парни. Хотя, как их парнями-то назвать?! Так, помойка!

Ее передернуло, когда она поняла, что он пытается ска-

зять. И вскочила:

– Ты что, Зюйд-Вест!! Проститута купить хочешь?! За кого?.. Кем ты меня?! – ей стало так обидно, что она с ревом бросилась на улицу.

– Стоять! – неожиданно громко рявкнул он. – Стоять, бороться и руки не прятать!

Ева замерла перед дверью и медленно обернулась. Округлые щеки были мокрыми.

– Короче так... – продолжил он уже обычным своим голосом. – У меня есть приборчик один... Вы, молодые, в этой хренотени лучше понимаете, компы разные, мобильники-шмобильники... Я тебе его даю, ты разбираешься и... Хочешь, продай, а он стоит немало – сможешь сразу себе на родине небольшой замок с прислугой прикупить! А хочешь, сама пользуй. Если по уму, это может, я думаю, принести тебе еще больше. Тебе решать! – он взял со стола стопку бумажных листов и протянул ей. – Вот, ознакомься!

Она пожала плечами и, шагнув пару шагов, взяла.

– Тут русский язык?

Он ухмыльнулся:

– А ты думала мы уже и переводчика тебе надыбали?!

3. Витюнчик

(несколько раньше)

Он подошел к зеркалу на двери общаговской комнаты только что покончившего с удаленкой универа (в котором уже не учился) и поправил осветленную челку, вглядываясь в отражение. Конечно, было бы круче, если б росла борода, теперь все крутые носят бороды, но он, увы, этим обделен. Пока. Он погладил себя по розовой щеке и усмехнулся – все прекрасно! Белый кожаный пиджак, настоящие итальянские брюки с туфлями – это вам не хухры-мухры! Мало кто из выпускников одевается так же изысканно дорого! Особенно после поголовного обнищания населения в связи с Ковидом. Студенки, эвон, все завидуют! Он решил еще раз показаться им, тронул прическу, проверил наличие много-разовой, в оригинальной цветной вышивке, маски и смахнул воображаемую пылинку с лацкана, улыбнулся себе и набрал номер на смартфоне.

– Привет, Ксюха! Ты где?

– Я-то? Я в курилке, где же мне еще быть?!

Он не одобрял этой их привычки выглядеть взрослее, чем есть.

– Ну, мало ли!... – немного расстроился, что не придумал ничего остроумного. – Хочу квартиру свою сдать, не можешь мне цену подсказать? Я сейчас выйду! – и выключился –

пусть подумает!

Ксения была из богатейшей в Твери, если не во всей России, семьи Шульманов. Старшая сестра ее Надежда училась в Великобритании, и на родину возвращаться отказалась, а слегка чокнутой Ксюхе было насрать на все, в том числе и на пожелания родичей, она и тут-то учиться не очень мечтала – больше всего любила гонять по ночным улочкам на своем двухместном Брабусе СЛ перламутрово-розового цвета. Когда-нибудь и у него такой будет!

Нанять репетитора по древнекитайскому пока не получалось. Номер, указанный в объявлении, не отвечал, может из-за прошедшей пандемии, но он был упрям. Зато позвонили насчет сдачи квартиры, это был хрипловатый женский голос с некоторым испугом:

– Здрасьте! Я по объявлению!..

– Здравствуйте! Вы бы хотели снять? Надолго?

– Пока не знаю. Хотелось бы осмотреть квартиру, поторгаться о цене, ну, вы понимаете!..

– Разумеется, разумеется! Когда вам удобно встретиться? Я бы хотел поскорее!

– Мы тоже!

– Так вы не одна?

– Мы вдвоем! Две подруги.

С колотящимся сердцем он нацепил защитную маску и спустился по лестнице, его слегка лихорадило. Он замед-

лил шаг и дыхание с удержанием на вдохе по методу даосов – иногда это помогало успокоиться.

Ксения в стильно трепанной джинсuxe и без маски ждала на крыльце.

– Привет, малыш! Коронавируса боишься?

Он до ужаса не любил, когда его так величают, но надо было терпеть.

– Привет! Подкинешь меня по делу?

– Ты просил о совете! Потрындеть о цене!

– Ну а как ты можешь советовать, не увидев квартиры?!

Девушка усмехнулась:

– Вот хитрюга! – вздохнула. – Ладно, погнали, посмотрим, что там за конура!

Перед подъездом остановилось такси, когда он уже вводил код замка. Из машины выскочила жопастая брюнетка в солнцезащитных очках и чёрной коже – короткой курточке, обтягивающих брючках и ботфортах выше колен.

– Привет! – запыхавшись, еле выдавила она, – Виктор Анатольевич?

– Ну да... – он задрал нос и взглянул как бы свысока. – А вы...

Сзади подошла и Ксения, никак не афишируясь.

Жопастая достала из кармана курточки тысячную и сунула водиле со словами:

– Сдача не надо! – слышался чуть заметный акцент,

не совсем понятно какой.

А из салона выбралась еще одна в длинном цветастом платье и джинсовой курточке. Эта была плотная, высокая блондинка с белой панамой на слегка подвитых коротких волосах и в новеньких кроссовках. И заметно постарше, да что говорить, просто старуха.

Он снова удивился:

– Вы вдвоем?

Блондинка немного засмушалась или сделала вид, что смущена:

– Да теперь всяких маньяков хватает! Но и вы не один!

– И то верно! – согласился он, оглянувшись на ухмыляющуюся Ксюху.

Квартира была обставлена пожилыми хозяевами еще при советской власти: круглый стол посередине залы со стульями и буфетом, полным посуды, у стены, с диваном напротив древнего лампового телика и засохшим фикусом у окна с выцветшими синими шторами.

Теперь пришла очередь смутиться ему, но не перед этими явно провинциалами:

– Вот, не успел еще мебель сменить!..

Женщины переглянулись.

– Да нам, в общем-то, по барабану! – молодая брюнетка хрипло рассмеялась.

Виктор почесал стриженный позавчера в салоне затылок:

– У вас документы с собой?

– Зачем документы? – не поняла она.

– Милая! – неожиданно тонким голосом воскликнула полноватая старуха-блондинка, – ему же надо знать, кто поселится! Мало ли!..

– Ну да, конечно! – жопастая нерусская достала из сумочки паспорт и сняла очки. Глаза у нее были похожи на азиатские, но смотрели в разные стороны, Она вообще была широкоскула, с острым подбородком и большим ртом, с наверняка крашенными жесткими волосами, надо сказать, модно стриженными лесенкой. – Это ее ксива... Мой пока нет... И еще! Давайте!.. свою ксиву! Пассь! Пассь-порт! – явный прибалтийский, теперь он понял, акцент.

– Да мне без разницы!

Виктор вынул из кармана смартфон, а также студенческий, и подал им, сфоткал основные странички документа, после чего сфоткал и саму высокую блондинку. Это была Виолетта Ивановна Сковорода пятидесяти пяти лет от роду, незамужняя, прописанная в городе Бологое. Он даже вздрогнул, увидев это. Женщина тяжело вздохнула. Виктор сфоткал и молодую подругу. А затем сухим деловым тоном стал диктовать:

– Я, Виктор Анатольевич Розочка, заключаю договор с... Стоп! Мы не говорили о цене! – выключил диктофон и оглянулся на закурившую Ксению и хитровато усмехнулся. – А это ведь самое главное! Тридцать тысяч на двенадцать месяцев – с вас триста шестьдесят! Желательно налом!

Старшая Виолетта вытаращила бледно голубые глаза и открыла рот. Брюнетка же поджала губы и взяла ее за руку:

– Идем, Виол! Они тут думай, что мы совсем тупой! Лицо в маска бабло хочет!..

Надо было проявлять предприимчивость, он рассмеялся, сдергивая материю вниз:

– Окей! Хотелось бы услышать ваши соображения по данному вопросу!

Но женщины уже направились к выходу, где замерла курящая Ксюха, но старшая обернулась:

– Да нам и вообще нужен-то дом, а не такая теснота!

– Погодите! – улыбнулся он. – У меня ведь в Бологое родичи имеются! Может вам туда надо?

4. Серый

В накренившейся избушке с крышей набекрень и с заколоченными разнокалиберными досками окнами в самом конце улочки у леса он и обитал. В ельнике за болотистым берегом Огрызовского озера он собирал грибы и ягоды, таскал валежник на дрова. Были у него и удочки – без окуньков и плотвичек тоже было не ахти, он сушил их про запас. Высаживал по весне и картошку с капустой, хотя потом и забредали кабаны с зайцами, что-то и себе оставалось. Вот и теперь, отомкнув почти пудовый, подаренный когда-то соседкой бабой Нюшей, уже покойницей (мысленно улыбнулся, помянув ее), замок, он стал разжигать костерок на шестке русской печи.

– Тьфу-тьфу-тьфу!.. – сплюнув через плечо, набрал в котелок воды и подвесил над занимающимся огнем.

Наощупь из-за картонной иконы в жестяном окладе достал тетрадку с шариковой ручкой и присел на колченогий табурет перед шестком, вздохнул и начал писать.

Он не сразу заметил, что дым остается в помещении – забыл отрыть заслонку в трубе. К тому же в доме было темно, и лишь оживающий костерок на шестке позволил заметить плотные слои дыма под потолком. Согнувшись в три погибе-

ли, чихая и кашляя, он сорвал тарелку заслонки и выпулился из дома. И тут глазами, еще полными слез, разглядел неестественно яркий свет в пластиковых окнах особняка по соседству.

От всех проживающих рядом Серега привык прятаться. Не хватало ему еще разборок с ментами, которым наверняка нажалуются соседи! А этот современно обшитый и укрытый коттедж, – иначе его назвать и язык не поворачивался! – за сплошным жестяным забором и вообще существовал для него где-то в иной параллельной реальности. А для его обитателей такие бесприютные, как он, просто вовсе отсутствуют, даже попадаясь в поле зрения.

Неожиданно в пластиковом окне на фоне задымления показался силуэт женщины. Окна были большие, она стояла на подоконнике коленями и елозила ладошками по прозрачной преграде. Сотрясаясь всем телом, она как будто стучалась всем прикладом о прочный пластик. Деталей на фоне сияющего дыма видно не было. Серега вздохнул и поспешил к профилированной преграде загородки. После шестидесяти перемахнуть через такую – уже проблема. Поэтому он с ходу долбанул каблуком своей кирзухи. Жесть подалась. Хотя пришлось еще несколько раз приложиться, пока не образовался более менее подходящий пролаз.

Серега взбежал на крыльцо и подергал оказавшуюся запертой дверь. И тут была совсем не жесть! И окно ря-

дом осталось абсолютно целым после встречи с булыжником из клумбы – наверняка усиленно, черт побери! Он снова подобрал камень и принялся выбивать личину замка. Которая должна бы легко ломаться, будучи высокоуглеродистой. А двухмиллиметровая проволока для отмычки нашлась на розовом кусту.

С накинутаой на голову курткой он нырнул в дымовую завесу. И не сразу смог найти лестницу на второй этаж. Она оказалась слева. К тому же вся была охвачена оранжевым пламенем – на ступени лестницы явно плеснули горючей жидкости. Пришлось скакать, не глядя под ноги. Хорошо, хоть кирзухи были еще крепки!

На окне уже никого не было, но скрючившись в уголку, механически раскачивалась, сидя на коленях, молодая брюнетка в желтом махровом халате. Серега рывком за ворот поднял ее на ноги.

– Есть кто еще? – крикнул в азиатски широкое лицо.

Она замотала лохматой темной головой. И завывла в голос:

– Там!.. Там еще!..

Хрен их, богачей, знает! Да и некогда ему было заморачиваться!

Он сорвал с кровати простыни, связал их и выскочил взглянуть на лестничную площадку. Женщина из-за его плеча с ужасом гладела на пылающую уже всю лестницу.

– Окна ведь не открываются? – на всякий случай уточ-

нил он.

– Нет!.. – простонала она. – Весь закрыт!..

– Ну и как быть?! – прорычал он, едва сдерживая ярость на всех этих тупо богатых и трусливых. Огонь на лестнице уже гудел, словно в печной трубе, опалая лицо. Спуститься уже не было никакой возможности.

– Тут еще!! – почти гневно, в истерике крикнула женщина, дергая его за рукав. – Надо найти!!

– Где? Кто? Где еще?

– Другой комната!.. Там он спит!.. – она продолжала истерично цепляться за его одежду.

Сергея затащил ее назад в комнату, и толкнул к окну. После этого метнулся в другую комнату через площадку на лестнице.

На кровати, зарывшись с головой в одеяло, спал некто крупный. И никак не желал просыпаться. Сергей сперва просто тряс, затем, уже зверея, стянул одеяло с головы.

Заспанное широкое лицо туповатой блондинки:

– Что надо?.. Ты кто?..

– Быстро собирайся!! Надо на улицу!!

– Что ты кричишь?! И кто ты такой?!

Разговаривать было некогда, он схватил ее за руку и потянул из комнаты. Блондинка что-то мычала, возмущаясь. Но смолкла, увидев мечущийся огонь на лестнице, быстро вернулась и выхватила плотно набитый рюкзак из шкафа. Он затащил ее к подруге по несчастью. Или родственнице. Вме-

сте с рюкзаком.

Стал судорожно выдергивать ящики из комода. Вываливая из них тряпье, он со всего маху швырял ящики в окно. Оно не подавалось. И ничего особо тяжелого в жутко задымленной спальне не наблюдалось. Тогда он скинул все с прикроватной тумбы и приподнял ее, оказавшуюся все же цельнодеревянной. С диким воплем грохнул ей в пластик. Рама окна слегка погнулась. Вынув последние ящики из комода, он поднял и его. Рыча как дикий зверь, он долбанул комодом – тяжеленным дубовым комодом. И в окне образовалась вполне пролазная щель. Ударами своих говнодавов слегка расширил проход. И обернулся к тихо уже рыдающим, обнявшимся на полу женщинам. Он уже забыл, где оставил связанные простыни. Но они нашлись под ногами. Он обвязал брюнетку по поясу и, не смотря на отчаянные вопли и яростное сопротивление, высадил за окно. На вису та сразу обмякла, прижимая рюкзак к груди. И когда она успела его прихватить?!

– Отвяжись! Отвяжись, мать твою! – гаркнул он вслед ставшей уже на бетон отмостки девке.

Но та только смотрела, разевая рот и хлопая глазами, как только что проснувшаяся. Тогда Серега примотал свой конец к крану на батарее и подтолкнул вторую женщину:

– Давай, лезь! Я тут придержу!

– Нет, я не могу!.. А это точно выдержит? – уже взобравшись на подоконник, впилась она в него стальными лезвия-

ми серо-голубых глаз, как у подозреваемого на допросе.

– Лезь давай!! – он почти столкнул ее за окно. Поскуливая как щенок, женщина зависла на простыне. – Спускайся, мать твою!! – уже выходя из себя, гаркнул он. Потому что пластиковые трубы отопления, как ему казалось, вряд ли выдержат долго ее вес. А дверь уже потемнела и пошла пузырями от жара за ней. Он явственно слышал гул и треск огня в доме.

Но для него самого пролаз оказался узковат, пришлось еще бить из всех сил ногами и снова комодом. Когда он все же смог выбраться, из окна, откуда он только что вылез, в небо рванулся мощный поток пламени.

Брюнетка в желтом махровом халате обняла блондинку в ночнушке, чтоб согреть. Но и рюкзак не отпускала. Серега направился к ним.

– Ну ладно, ребята... – демонстративно откашлявшись, хотел, было, он попрощаться.

Женщина обернулась. Ее азиатские глаза смотрели в разные стороны, то правый, то левый на него по очереди, к тому же были разноцветными – левый в отличие от правого, карего, был зеленым. Она взлохматила короткие прямые волосы и, как ни странно, улыбнулась:

– Как твой имя? Как зовут?

– Меня никак не зовут, я сам прихожу! – подмигнул он и пошел прочь, слегка прихрамывая на правую ногу.

Пошел он не в сторону своего убежища – не хватало еще обнаружиться перед чужими! Так по глупости подумал он. И влип в еще большее дерьмо. Как обычно. По пути к шоссе на улице Мира встретила громогласная Пожарка. Малиновая машина, переваливаясь на ухабах, непрерывно сигналила. Обернувшись, он еще раз изумился мощному столбу дыма и пламени из дома. Неужели он только что был там?! Из дворов на улочке выходили люди – в основном старики. Сереге было очень неуютно под их настороженными взглядами. Добродушный на первый взгляд пузанчик с седыми усами шагнул ему навстречу, держа, впрочем, дистанцию:

– Привет! Не знаешь, там люди пострадали?

– Не знаю, не видел! Я с болота топаю.

Пузанчик тут же отвернулся на пожарище.

Он уже почти добрался до Мира, когда с асфальта свернуло и такси – синяя, слегка потрепанная «ауди». А затем и микроавтобус полиции. При виде бомжа эти всегда тормозят.

– Эй! Ступай сюда! – окликнул его молодой блондин в кожанке из-за приоткрывшейся двери.

– Я, что ли?

Блондин нагло ухмыльнулся:

– А то кто же?! Имя! Фамилия! Документы имеются?

– Сергей Вронский. А что надо-то?

– Ты идешь от пожара. Можешь что-то сказать об этом,

Сергей Вронский?

– Пожар и пожар, что тут говорить?!

– А ты откуда вообще идешь-то?

– Да у меня там пара донок на озере стоит, проверял. Ни хрена не попало.

– А где живешь?

– На Дунаевского. Недалеко тут.

– Где работаешь?

– Разве не видно, что я старый уже? – он снял кепку, демонстрируя седину. – Да и нет в Бологое работы давно уже никакой!

– Иди-ка, старый, сюда! Прокатишься с нами немного!

Он пожал плечами и влез в автобус. Кроме наглого блондина, представившегося Григорием Шапошниковым, в салоне была рыжеволосая девушка в форме и защитной маске. На коленях у нее был раскрытый ноутбук. Едва за ним закрылась дверь, они тронулись.

– Ни хрена себе полыхает! – сказал водитель, крупный, полноватый брюнет, не оглядываясь.

Блондин усмехнулся, сверкнув холодным взглядом на Се-регу:

– Это не ты постарался, а?

– В смысле? Не я ли дом поджег? Нет, не я!

– И не видел кто?

– Не видел.

Они остановились перед распахнутыми уже воротами. Се-

рега выбрался из салона после нагловатого блондина-оперативника. Рыжеватая в форме вылезла тоже с ноутбуком под мышкой.

Пожарка стояла уже во дворе, мужики в брезентовых робах и касках суеились вокруг и поливали из брандспойта в уже выбитые окна. Однако островерхая малиновая крыша все ж со стоном и грохотом рухнула вовнутрь, шумно взорвавшись целым облаком искр и темных газов.

Опер подвел разноглазую хозяйку в махровом халате с ее спутницей уже обернутой каким-то одеялом. Его напарница в форме раскрыла комп и начала дознание. Но несчастные были сильно подавлены, не сразу понимали, чего от них хотят. Лишь разглядев рядом Серегу, оживилась, радостно подавшись к нему, молодая брюнетка:

– Вот! Вот этот парень! Он нас спас! Вытащил нас из дома! Спустил на простынях!..

Примерно через час, выпотрошенные допросом, женщины уехали на синем заждавшемся их «ауди». Серега так и не понял, что произошло между всеми этими потерпевшими и служащими, но его вдруг сковали наручниками и толкнули в микроавтобус. Молодой ментяра-блондин с ухмылкой устроился напротив, холодный взгляд бледно голубых глаз впился в усталые глаза Сереги:

– Ну, так что, будем признаваться или как?

Серега усмехнулся, откидываясь на спинку:

– И в чем я должен признаться? В браконьерстве? Так я даже и не поймал ничего!

Блондин тоже ухмыльнулся:

– Ладно, Сергей Вронский, переночуешь у нас, станешь сговорчивей! Пожарники утверждают, что там был явный поджог! Вот акт! – он потряс своей папочкой. – Тебе не отвертеться!

Серега рассмеялся:

– Ну, это же просто удача! Давненько мне так не везло!

Влезающая в этот момент следачка с ноутбуком, расширила красивые карие глаза поверх маски на коллегу, ничего не понимая.

– У нас есть подозреваемый! – пояснил тот.

5. Кабысток

(немного раньше)

Он набрал вокзал, но дама с противным до изжоги голо-сом легко его отшила, объявив, что ТАКИХ справок по телефону не дают. Надо было собираться. Оделся как шпион в длинный серый плащ и шляпу с узкими загнутыми полями. И лицо прикрыл многоразовой черной санитарной маской. А руки – кожаными перчатками.

Еще раз уже за рулем своего старенького синего «форда» просмотрел список жертв, им самим некогда и составленный:

1. 3-е октября 2015 года – Швецов Григорий Матвеевич, 28 лет, бармен ночного клуба «Радуга» в Боровичах, там же и проживал. Найден в Кафтино Бологовского р-на в доме на продажу (замок взломан).

2. 5-е января 2016 года – Синельников Геннадий Иванович, 20 лет, больной шизофренией инвалид из города Удомля, найден в пригороде Удомли, в съемной квартире, где и был прописан. Мать находилась в отъезде.

3. 17 марта 2017 года – Куренков Степан Григорьевич, 16 лет, спортсмен-футболист из Осташкова, там же и найден на самой окраине в нежилом доме.

4. 3-е ноября 2017 года – Феропонтов Андрей Алексеевич, 19 лет, студент Тверской медакадемии из Старицы, най-

ден в Великом Новгороде, в мотеле для дальнобойщиков.

5. 1-е июня 2018 года – Суслов Георгий Павлович, 24 года, безработный танцор из Санкт-Петербурга, найден в Волосово, в доме на продажу.

6. 11-е января 2019 года – Горцев Алексей Федорович, 27 лет, доцент кафедры прикладного искусства Московской художественной школы, найден на окраине Яхромы, в дачном домике давно умерших хозяев.

7. 17 мая 2019 года – Яров Алексей Иванович, 22 года, студент МГУ, сам из Клина, там и найден на окраине в лодочном сарае, правда, с жилым помещением на чердаке.

8. 7-е января 2020 года – Левчук Анатолий Сергеевич, 42 года, питерский предприниматель (торгует озерной рыбой), женат, детей нет, найден в гостинице «Астра +» в пригороде Санкт-Петербурга.

Итак: два случая в Подмоскovie, два в Санкт-Петербурге, остальные по одному на разных направлениях. Только бы совпало, только бы догадка оказалась верна! Он весь извелся от нетерпения, почти бежал заводить свой старенький «форд».

Наконец подкатил к ж-д вокзалу.

К двум работающим кассам были очереди человек по пять-шесть, он подошел к Справочному:

– Здравствуйте! Мне необходимо встретиться с руководством вокзала! – показал раскрытое удостоверение, утаенное при отставке.

– Второй этаж. Лестница перед камерами хранения.

Директор, плотная невысокая блондинка с замысловатой прической и в цветастой маске не соизволила даже выйти из-за стола.

– Что угодно?

– Мне необходимы списки пассажиров с января 16-го года.

– В каком направлении?

– В разных. Я дам даты. Только по этим дням. Необходимо методом сопоставления выявить человека, покупавшего билеты. Были ли такие, кто приобретал именно в эти дни, в ту и ту дату один и тот же тип? У вас имеется такая программа?

Блондинка нажала кнопку селектора:

– Клавдия Михайловна! Сейчас к вам придет следователь, будьте добры, дайте ему информацию!

Клавдия Михайловна оказалась сухой как вобла в квадратных очках, явно старой девой. Без маски и перчаток. Она внимательно изучила удостоверение.

– Покажите лицо, Матвей Егорович! И зачем вам это надо?

Он сдернул маску.

– Разыскивается человек, ездивший с вокзала.

– Маньяк?

– Ну почему сразу маньяк?! Просто жулик!

Она подняла со стола листочек с выписанными датами:

– Думаете, мы тут не в курсе, что по этим дням людей

убивали?!

Старый сыщик изобразил змеиную улыбку, когда глаза холодны, а губы принудительно растянуты.

– К сожалению, у меня нет полномочий подключать вас к расследованию, Клавдия Михайловна! Просто сопоставьте списки и выявите одних и тех же по названным дням!

Она надула губы и насупилась, включая компьютер.

– Пожалуйста! У вас есть два совпадения. Первое – 17 марта 2017 года до Осташково, 3-е ноября 2017-го до Новгорода и 1-го июня восемнадцатого года до Санкт-Петербурга ездил некто Синельников Геннадий Иванович двадцати лет, прописанный...

– Не надо, у меня есть данные! – прервал он.

– И второе: 11-го января 2019-го до Яхромы, 17-го мая того же года до Клина и 7-го января двадцатого до Санкт-Петербурга ездил некто Суслов Георгий Павлович двадцати четырех лет. Пока все совпадения по указанным датам.

– Огромное спасибо! Вы очень помогли следствию!

– Значит, вы переловите этих маньяков?

Он позволил себе усмехнуться в ее квадратные очки:

– Возможно, вы будете расстроены, но этих людей просто нет.

– Как же это?! Кто-то ведь убивал?! Кого же нам опасаться?

– Опасайтесь коронавируса и жуликов-торгашей в магазинах! – не мог же он сказать этой старой деве, что Синельни-

ков Геннадий Иванович, когда покупал билет, был уж почти год как похоронен! Как и Суслов Георгий Павлович в момент покупки билетов. – И еще вопрос – эти несуществующие пассажиры должны были сразу или на следующий день отъехать из мест назначения! Вопрос – куда?

Клавдия Михайловна насупилась:

– Это ведь не в наших базах! – вздохнула. – Но только для вас! Вот! 17-го марта и 2-го ноября семнадцатого года Синельников брал билеты до Бологое. Как и Суслов!..

– Спасибо! А с камер наружного наблюдения на эти даты...

– Это к Службе безопасности!

Увы, бывшие коллеги из транспортной полиции так долго записей не хранили, объяснив это скудостью средств – каждый месяц приходится все стирать и записывать туда же. Дали бы еще пару десятков чипов памяти на участок, хранили бы дольше!

Короче, снова тупик. Этот гад использовал паспорта или другие удостоверения убитых им парней. Но добирался только до Бологое, где вероятно и проживал. Или проживал в Твери, а туда... Нет, скорее наоборот! Он жил в Бологое, а в Твери либо трудился, либо учился, если учитывать возраст пострадавших. Утешало еще и то, что катались он или она по железной дороге, значит не так уж и состоятельны материально. Возможно.

Что известно о Бологое? Пара попсовых песенок, уже по-

что позабытых: «Между Ленинградом и Москвой!..» Середина пути по Октябрьской железной дороге между крупнейшими российскими городами, беднейшее захолустье. Говорят, когда-то царь Александр II любил там охотиться на крупную дичь. В том числе и на северных оленей!

Дома он сразу же достал карту и расстелил ее на столе. Черт! Как он раньше не заметил?! Это же как дважды два! От Бологое расходятся пять железнодорожных направлений: Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Псков, Ярославль. В Революцию Николай II развернул свой поезд в поселении Дно, где подписал Отречение, а в Бологое ему отказали в паровозной бригаде. Не хотели пропускать монархисты, коммунисты или уж хрен знает кто!

6. Виола

(немного раньше)

Она никак не могла поверить своему счастью – СВОБОДА! Это поначалу. К тому же все тут было весьма условно. Но и то! Десять лет она проработала в тюремной столовке, возвращаясь в опостылевшую ХАТУ. В камере их было пятеро: прачки, поварихи и медички. Дружить тут было не принято, так, чифирили по утрам, сплетничали и мечтали о свободе нос к носу в ПРОХОДНЯКЕ между ШКОНКАМИ. Разумеется, стучали друг на друга – раз в неделю каждую таскали на ковер к главному оперу.

Это ПЯТЕРИК в начале. Потом еще ПЯТЕРИК на поселке – та же столовка, только вход с улицы. И ночевки в общежитии рядом с тюрьмой.

Теперь все. Отмучилась. Вместе со справкой об освобождении вернули паспорт с бологовской пропиской, заработанные деньги и тюк ненужных по лету вещей: красный китайский пуховик, какие-то кофты, штаны, теплое белье...

Выходить было немного страшновато. Тем более что на воле ее никто не ждал.

Тогда еще, в камере, она, бывало, мечтала перед сном, как пройдет по летнему, залитому солнцем Бологое. Без конвоя, без обязательств и требований, вся дисциплина по боку! От этого ощущения кружилась голова и слабели колени.

И еще – было страшно. Да, страшила неизвестность. Ведь на воле ее никто не ждал.

Было серое майское утро, низкое небо давило, затрудняло дыхание. Ей хотелось заплакать от избытка чувств. Улочка, куда выходили из тюрьмы, была пустой. Почти пустой – к ней неспешной походкой приближался высокий белобрысый парень, стриженный наголо. Абсолютно незнакомый. Подойдя почти вплотную, он подмигнул.

– Я от Зюйд-Веста.

Она опешила. Потому что изо всех сил старалась забыть ту малявную тюремную переписку и долгий, слишком долгий ГРЕВ. И знала, что так делать нельзя, ни в коем случае нельзя!

Еще при реальной отсидке она иногда подменяла раздатчицу Клавку Каблуковскую. И подавая в кормушку шлемки с кашей, иногда получала крошечные записочки. Почти всегда это были выражения восхищений ее внешностью. И предложения познакомиться. А однажды в маляве спросили, какие конфеты она любит. Предлагалось просто сказать это в кормушку их камеры. Она посмеялась и выбросила из головы.

Но через неделю пришлось опять раздавать, и из темноты камеры свистящий шепот спросил:

– Так какие конфеты?

Виола растерялась.

– «Мишка на севере» подойдет? – в окошке показалась маленькая бледная рука спрашивающего.

Она пожала плечами и пошла дальше раздавать кашу в шлемки.

Но в тот же день вечером отворилась кормушка их хаты, ПОПКАРША тихо назвала ее фамилию. И сунула кулек.

На воле у Виолы оставался (тогда ещё оставался) отец, суровый пенсионер, и не менее суровая свекровь. Никаких передач и посылок она не получала. И не ждала их. Свекровь не могла простить смерть сына, а отец, вечный труженик, – просто судимость.

В шоке от неожиданности она приняла кулек, развернула. Там были конфеты. «Мишка на севере». Килограмма два, если не больше. Зэчки позади обалдели не меньше.

– Ну, ни фиги себе!!

С тех пор она начала получать передачи. Ха-ха! Передачи из соседней камеры! А с гревом из ОБЩАКА пришло и уважение. Причем не только среди зэчек. Среди ментов еще больше. С ней сразу все захотели дружить. По «выходу на поселок» Виолетта стала получать пореже и уже с воли. Говорили, что Зюйд-Вест ОТКИНУЛСЯ.

А вот теперь откинулась и она сама.

Высокий белобрысый парнишка взял из ее рук пакет со шмотьем и кивнул на огромный черный внедорожник:

– Погнали!

За десять лет заточения она привыкла подчиняться. Поэтому просто вздохнула и полезла. Сначала было немного страшно. Но боялась она не уголовников, это была уже известная тема, она боялась неизвестности. Успокаивало лишь имя вора. Такими вещами в ЭТОМ мире не бросаются.

Ехали довольно долго. При этом парнишка, годящийся ей в сыновья, молча слушал музыку и жевал жвачку. На нее даже и не глядел. Однажды она все же осмелилась и спросила:

– А куда мы?..

Мальчишка широко улыбнулся:

– В любой момент можешь свалить! Никто держать не будет. Просто попросили поприсутствовать.

Она ничего не поняла, но снова подчинилась. Поприсутствовать так присутствовать!

Часа через полтора машина въехала во двор двухэтажного домика в дачном поселке, парень заглушил мотор и выбрался из салона. Отворил дверь и перед ней.

В просторном помещении с шикарным камином слева и длинным столом с лавками, за которым была и барная стойка справа, никого не было, как ей сначала показалось. Но от светящегося углями жерла камина к ним повернулась маленькая фигурка, закутанная в сине-черный клетчатый плед, сидящая на низком табурете.

– Здравствуй, Виолетта!

– Зрассьте... – она резко опустила голову, как провинившийся ребенок.

– Тебе должны были сказать, кто я... – у него была маленькая седая голова и усталые синие глаза.

– Зюйд-Вест?

– Да, – он суетливо помешал ложечкой в стакане с подстаканником, который держал в другой руке. – Ты, наверное, хочешь перекусить? – поднял взгляд на сопровождавшего, замершего у порога. – Вован, организуй даме похавать!

– Шашлык пойдет? – Виола даже не сразу поняла, что обращаются к ней.

Вор усмехнулся, поднимаясь:

– Что ты спрашиваешь?! Человек от хозяина! Сегодня еще пайку хавал! Неси что понажористей! – со стаканом в руке он направился к барной стойке. – Выпьешь?

Она пожала плечами, от неожиданности происходящего не зная, как и быть, направилась за ним. Легендарный вор в законе был ростом ей по грудь, седые волосы были очень коротко острижены, на лице почти без морщин выделялись пронзительные синие глаза да маленький безгубый рот. Он наполнил две стопки, одну двинул по направлению к ней по лакированному дереву стойки.

А она уж и позабыла, как пахнет спиртное, с некоторым испугом посмотрела на стопку. Старик же сразу и опрокинул посудину в себя. Занюхав рукавом тельняшки, что была под пледом, улыбнулся:

– Не употребляешь? Очень хорошо!..

От запахов и вида блюд, принесенных молчаливым Вова-

ном на длинный стол, ей стало даже дурно. Все происходящее воспринималось как сладкий сон, она пока еще не осознавала, что уже на свободе, но это понимание уже толкалось в мозгу. Насытить отвыкший от ТАКИХ яств желудок оказалось не трудно, и времени это заняло совсем немного. Ерзая на неудобной лавке, она съела всего лишь половину шампура шашлыка с зеленью и кусочек пирожного с чаем. Притом что на нее никто и не смотрел, пока она ела – Зюйд-Вест вернулся к камину с раскуренной папиросой, а Вован опять исчез где-то в задних комнатах.

Но вот вор заметил, наконец, что она уже не шевелится, подошел и присел рядом.

Виолетта, наконец, набралась смелости:

– Ну и что?

– В каком смысле? – вскинул он жидкие белесые брови.

– Вы меня грели очень долго. Теперь, вот, встретили...

Что вам надо?

Он хриловато рассмеялся и закурил новую папиросу.

– Я хотел попросить тебя... Нет! Ты не думай, что грев был с умыслом! Нет! – он отошел к бару налил себе еще и тут же выпил. – Тогда еще я даже и не знал об этой девчонке! Но вот она – тут! Как снег на голову! Я не о тебе, есть еще одна такая! – налил еще и с полной стопкой в одной руке и папиросой в другой подошел к ней. – Сразу обрубаю все домыслы! Это не шлюха, как и ты! Это нужный мне человек! Она тоже немало попарилась на нарах и тоже была там

человеком! Мне кажется, вам есть о чем поговорить. Ты, конечно, немного постарше, но именно на это я и рассчитываю!

7. Кабысток

Рано утром дверь гостиничного номера в Бологое (где о коронавирусе будто и не слыхали), в котором остановился якобы коммерсант с видом на открытие своего бизнеса в городе, пенсионер Кабысток, тихо открылась. Матвей Егорович в тот момент выполнял упражнения древнекитайской гимнастики Цыгун, замедляющей старение и усиливающей потенцию, как уверяли дорогостоящие инструкторы. Он был одет в пестрый махровый халат поверх голубой пижамы и серые меховые тапочки из шкурок новорожденных оленят. Вопреки строгим наставлениям инструктора он повернул голову и отвлекся от внутреннего сосредоточения.

В дверях стояла юная блондинка в совсем коротеньком, по самые «не балуй», синем рабочем халатике и со шваброй и ведром. И кроме халатика на ней были только белые с золотом босоножки на очень высоком каблуке. Таком высоком, что на них не то что работать, даже и просто ходить было весьма затруднительно. Светлые с рыжинкой волосы ее были тщательно уложены в «естественный беспорядок», неровная челка падала на синие, с макияжем век, глаза, пухленькие губки с перламутровым цветом спермы слегка приоткрыты. На тонких, отнюдь не рабочих пальчиках густо теснились кольца и перстни из как будто драгоценных металлов и камней, а ногти были окрашены в разные цвета с какими-то даже

инкрустациями. Одним словом это видение не было похоже на уборщицу в обычном понимании.

Матвей Егорович не успел даже и изумиться, просто замер с открытым ртом и

вытаращенными глазами, анализируя ситуацию.

– Ну, если... – стрельнула глазами очаровательная служащая.

– Да ничего! – неожиданно для себя воскликнул якобы коммерсант. – Я уже заканчиваю! – в прекрасных глазах ЭТОЙ «уборщицы» почему-то не хотелось выглядеть всевластным. – Уже даже и закончил! Можете приступить!

– К чему? – задало небесное создание вполне закономерный вопрос.

– Ну как? – он изумился он. – К этому самому!.. Ну, зачем вы пришли!

– Да?! – синие глазки лукаво сощурились, она отставила ведро со шваброй и быстро расстегнула халатик. Благо, пуговиц было мало – всего две!

После чего, удивительным образом удерживаясь на высоченных шпильках, продефилировала в комнату и сбросила на спинку кресла свое единственное рубище. Русые, почти незаметные волосы лобка были очень коротко острижены, а конусы груди с розовыми сосками торчали боеголовками ракет разрушительной мощи.

Бедолага Матвей Егорович в своей жизни и карьере уже успел навидаться всякого, поэтому он несколько даже на-

смешливо кашлянул в кулак, предварительно отвернувшись:

– Простите, мадмуазель, полагаю, мы не совсем правильно поняли друг друга...

– Чо неправильно? – обернулась к нему юная прелестница.

– Все неправильно! Накиньте для начала что-нибудь! Потом поговорим!

Расширив удивленные очи (просто глазами это даже язык не поворачивается назвать!), девица все ж накинула свое одеяние и поджала соблазнительные губы:

– Поговорим? Ты импотент или?..

Он беззвучно рассмеялся:

– Нет, я не импотент и не прочее! Что вы подразумеваете. Я хочу, что бы все было красиво: цветы, шампанское, ужин при свечах!.. Разве вам так не хочется?

Девушка пожала плечиками:

– Кому ж не хочется?! Только тут так не принято – у командировочных времени нет.

– И какая у вас такса для командировочных?

– Обычная. Минет – штука, постель – две. Ночь – пятерка. И – никаких извращений! Деньги вперед!

– А кому деньги? Старший у вас есть?

– Как сказать!.. Воще-то я сама по себе, но меня прикрывают, учти! у меня хорошая крыша! – она обиженно выпятила губу.

– Это просто замечательно! – Матвей Егорович указал

в кресло. — Присядьте, пожалуйста! Сейчас я закончу свои маленькие дела и потолкую с вами, будьте любезны подождать! — аккуратно повесив снятый халат на вешалку у входной двери, он скользнул в душевую, совмещенную, как это принято в провинции, с туалетом.

Екатерина же, опять пожав плечиками и застегнувшись наконец, присела. Что говорить, всяких чудиков хватает! Этот хоть про таксу спросил! Чтобы потом не делать удивленных глаз, дескать, мне и на курево не хватает!

Из душевой дяденька вышел совсем голым. Ничуть не стесняясь отвислого живота и сморщенного детородного органа, он распахнул шкаф и принялся одеваться. Начиная с белья, распаковываемого из целлофана. Костюм с белой рубашкой и галстуком, последовавшие за этим, он уже снимал с вешалок. А закончив и приведя в надлежащий вид редющие седоватые волосики на голове, он, наконец, обернулся, словно только что заметил девушку:

— Как вас зовут, небесное создание?

— Катя...

— Ну и прекрасно, Катя! Будем знакомы, меня величают Матвей Егорович. Без всяких сантиментов! Я служу в определенных Органах, но ты не бойся, в кутузку я тебя не поволоку...

В дверь тихо постучали, Матвей Егорович легко шагнул к входу и впустил официантку с завтраком на тележке: кофейником с чашкой и тарелкой под сияющей крышкой. Тол-

стая до безобразия служащая в защитной маске и перчатках сделала вид, что не замечает Екатерину.

– Что-нибудь еще пожелаете? – достала она блокнотик.

– Разумеется! У меня гостя, будьте любезны, и ей завтрак! – и к Екатерине. – Вы овсянку, полагаю, не очень любите? Чего бы вы хотели?

Девушка вздохнула:

– Я бы хотела шампанского и бутерброд с икрой. С красной!

Выражение лица Матвея Егоровича ничуть не изменилось.

– Пожалуйста, бутылку Советского Шампанского и бутерброд с красной икрой!

Толстушка, слегка передернувшись, записала и удалилась. А Матвей Егорович принялся за кашу, усевшись в кресло напротив девушки. Предварительно поставив на стол перед собой диктофон, и несколько ядовито ухмыльнувшись:

– Если вы надеетесь попить шампусика на халяву, то глубоко заблуждаетесь! – с аппетитом уплетая свою овсянку, он сверкнул серыми глазами. – Этот завтрак – аванс, который вам придется отработать!

Екатерина с облегчением рассмеялась:

– Ладно! Чего уж! – думая про себя, что все мужики одинаковы, хоть некоторые из них и менты!

Когда принесли шампанское с бокалами и тарелкой, сы-

щик уже покончил с овсянкой, налил себе кофе с молоком, но без сахара. Недавно начавшийся диабет следовало уважать.

– Вам откупорить или вы сами? – ни на кого не глядя, заинтересовалась полная служащая, при этом она выставляла заказ на стол.

– Да, откупорьте пожалста! – улыбнулся подполковник и тяжело вздохнул, увидев, как она пытается вынуть пробку, не сняв перчаток. – Хотя... Вы ведь не профессионал, верно?

– Верно... – женщина опустила глаза и тяжело вздохнула. Матвей Егорович забрал бутылку и все сделал сам, наполнив пенящимся напитком бокалы.

– Присядьте, пожалуйста! – двинул один из бокалов в ее направлении. – Как вас зовут?

Она присела, казалось, на самый краешек стула и сложила руки на животе.

– Наталья...

– Выпейте с моей гостьей, Наталья! Я хочу кое о чем вас спросить.

Толстушка вздохнула снова, резко опустив голову, тихо и неразборчиво залепетала:

– При исполнении... Как можно?.. Вы понимаете... Меня могут уволить...

– Да ладно! Никто не узнает!

Служащая при этих словах быстро взглянула на девушку. Надо сказать, нервно задергавшую губами.

– Вы Катю боитесь, уважаемая? Не надо! Катя тоже тут на нелегальном положении! Более того, она пыталась совершить кое-что не совсем законное! Ее ведь тут, вроде как, и совсем не должно быть!

Несчастливая подняла бокал, сдернула маску и нервно, большими глотками опустошила его.

– Все? Теперь я могу идти?

– Разумеется! Только ответьте на один вопрос. Как, по вашему мнению, почему в гостинице нет охраны? Ведь должна быть по всем правилам!

– Должна быть?! – казалось, женщина очень удивлена. – Я не знала! А на кой они тут, если эпидемия!.. – закусила губу, с ужасом глядя на Екатерину.

– Если нет постояльцев и не ожидается? Это вы хотели сказать?

– Можно я пойду? Мне надо быть там!.. Марина сказала, придут погорельцы!..

– Я тоже, пожалуй!.. – поднялась девушка, оправляя халатик.

– Ну что вы, Катенька?! Как можно?! – привстал и Матвей Егорович. – Вы даже и не!..

– В другой раз! – отрезала уже решительно Екатерина.

(немного раньше)

1. 3-е октября 2015 года – Швецов Григорий Матвеевич, 28 лет, бармен ночного клуба «Радуга» в Боровичах, там же

и проживает. Найден в Кафтино Бологовского р-на в доме на продажу (замок взломан).

2. 5-е января 2016 года – Синельников Геннадий Иванович, 20 лет, больной шизофренией инвалид из города Удомля, найден в пригороде Удомли, в съемной квартире, где и проживал. Мать была в отъезде.

Он прекрасно помнил, как его дернули во время Новогодних каникул шестнадцатого года. В стране был экономический кризис. Хотя почему был? Он так и остался. А с пандемией еще и усилился. Безработица уменьшилась лишь формально – чиновники нашли способы «увольнять» безработных с довольствия и из списков. Цены все так же растут, алкашей и нариков становится все больше, как впрочем, и самоубийц. Но тогда, хотя этот кризис продолжался уже с конца девяностых, это все было еще не совсем привычно.

Его выдернули прямо из-за семейного тогда еще стола. Мария фыркнула и вышла из комнаты. Степка тоже после тяжелого вздоха.

Звонил начальник следственного отдела подполковник Горюнов Степан Аркадьевич.

– Здравствуй, Матвей Егорович! – вздохнул он в трубку. – У нас серьезное дело. Я подумал, что лучше им заняться тебе. Сейчас сразу езжай в Удомлю! Потом все как надо оформим. У нас нечто похожее на серию.

– Товарищ подполковник! Сегодня Рождество! Я уже при-

нял на грудь!

– Тогда езжай общественным транспортом! Все! Возражений в упор не слышу!

Делать было нечего, он собрал вещи в атмосфере всеобщего осуждения и с некоторым даже облегчением запрыгнул в такси.

Последние пару лет он постоянно жил в этой атмосфере. Вся беда в том, что на старости лет ум его, по мнению близких и коллег заметно помутился – он решил жить *честно*. «Ха-ха! Честный мент в России – оксюморон! Такого не бывает! Тем более в Твери!» – такое он выслушивал постоянно. Сыну на «бесплатное» обучение в Универе требовалось все больше и больше, жене на «бесплатные» обследования и лечение на его взгляд несуществующих болезней... Короче – труба! Тем более что и трудился он почти бесплатно.

В автобусе он просмотрел папку с предыдущим делом. В Бологовском районе на берегу Кафтинского озера рыбаки случайно обнаружили полуразложившийся труп в давно заброшенном домике. На фотках трудно было что-то рассмотреть – нетронутыми были только руки и ноги, привязанные к никелированным спинкам старинной (еще с сеткой) кровати. Все тулово и лицо были изрезаны и измазаны засохшей кровью. Хуже того, половой член с мошонкой были вырезаны и вставлены назад так, будто потерпевший сам себя имел, трахал. И это еще не все – мошонка была пустой. Т.е. тестисы были удалены. И исчезли. Лишь по отпечаткам пальцев

был опознан бармен ночного клуба в Боровичах, ранее привлекавшийся за хранение двух доз героина Швецов Георгий двадцати восьми лет. По слухам нетрадиционной сексуальной ориентации, хотя это было не так – имелась сожительница.

Удомля – почти закрытый городок атомных энергетиков. Надо сказать, обеспеченный получше многих соседних! В том смысле, что цены тут так не скакали и продукты с вещами были заметно качественнее. Да и дешевле.

Сыщику вдруг стало грустно, очень и очень грустно. Господи Боже мой, в каком мире мы живем?!

Этот труп обнаружила мать покойного Вероника Алексеевна, как выяснилось, инвалида по шизофрении двадцати лет от роду Синельникова Геннадия. Сама Вероника в застиранном халатике, сухонькая, невысокая, с руками, прижатыми к груди, когда он вошел, явно пребывала в каких-то своих измерениях – ходила почти бесшумно с напряженным худеньким личиком, смотрела в пространство перед собой и не сразу отвечала. Она словно бы и не слышала его объяснения своего визита и дежурных вопросов – вздрагивала, когда он повторял их, и просила еще раз повторить.

– Вот, – провела его в крохотную каморку с компьютерным столом и диваном, – вот ведь, опять не убрался за собой! Надо навести порядок, пока его нет!..

Все ясно, шиза передается по наследству. Ну и опять же,

она ведь его одна растила двадцать лет! А о муже он спрашивать не стал – знал из протокола, что его никогда и не было.

– Разрешите мне в компьютере посмотреть? – вопрос снова пришлось задавать трижды.

Женщина же вздрогнула, будто он ударил ее, вытаращила на него блеклые глаза:

– Нет-нет! Ни в коем случае! Геша очень не любит, когда я компьютер трогаю!

Кабысток шагнул к ней и, взяв руками за тоненькие плечики, встряхнул ее:

– Очнитесь! Придите, пожалуйста, в себя!

Она сразу сникла и бесшумно заплакала, опустившись на диванчик. Сыщик развернул блок со снятой задней крышкой и убедился, что видеокарта с картами памяти вынуты. В протоколе осмотра места преступления это не было зафиксировано. Он набрал местных оперов.

– Здравия желаю! Это майор Кабысток из Твери! Я тут на месте! Ну, вы понимаете! Квартира Синельниковых! Да! В протоколе досмотра ничего не сказано о компе! Его вообще досматривали?

– Одну секунду! Там был старлей Васильев! Подождите!

– Жду!

– Старший лейтенант Васильев! Чем обязан?

– Скажите, лейтенант, в квартире Синельниковых комп был?

– Наверное! Труп-то был в ванной, так что...

– Ну, так что, квартиру досматривать не надо?!

– Надо! Просто, вот, мне говорят – комп был сломан! Наверное, забыли внести в протокол! А отпечатков ни в ванной, ни в квартире чужих не было! И никто из соседей!..

– Ясно! И телефона тоже не было?

– Не было, наверное, преступник...

– Разумеется! – он выключился, долгим взглядом посмотрел на несчастную.

8. Ева

(перевод с эстонского)

Слова теперь мало что значат. Их стало слишком много и они обрели бесконечные множества смыслов, надсмыслов и подсмыслов, множества оттенков и намеков на оттенки.

В центре Таллина на Ратушной площади висит знак кругового движения, а под ним долгие годы советской власти была надпись: «НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ РАЗ!» На эстонском языке. Кто ее туда пришипандорил? Русские менты или эстонские чиновники-жополизы? А может, ее и не было, той надписи? Просто анекдот о нашей сообразительности? Лично меня тогда еще и в проекте не было, а мама моя была подающей огромные надежды молоденькой актрисой нашего захудалого театра. Театра, в котором я родилась и выросла. Хотя, как говаривал отец того заведения, «Весь мир театр»... и так далее.

Я шесть лет шила рукавицы на строгом режиме, и мне еще оставалось хрен знает сколько – малоприятная перспектива для молоденькой девушки, хоть и эстонки. Жизнь-то уносится, как вода в унитаз. Вода с дерьмом.

Короче, меня вызвала наша спецмегера из надзора и, ничего не объясняя, дала на подпись кучу бумажек, будто я директор Кремля. На русском языке, которого я почти

и не знаю. Тогда не знала. А под конец произнесла целую речь:

– Ева Энновна Пайдес! Ты отбыла у нас... Сколько ж ты отбыла? Осуждена была в 2015-м за нанесение тяжких телесных в особо извращенной форме... – взглянула на меня поверх каких-то навороченных очков с линзами в виде полумесяцев, будто ждала какой-то реакции.

Но ее не будет. Я устала доказывать, что отрезала причиндалы, как орудие преступления. А мне тогда еще и пиво нельзя было покупать! Но нет, суд решил, что я просто садистка-националистка! Что пробралась в гостиничный номер к господину Н. сорока восьми лет от роду, министру культуры региона, добропорядочному гражданину России и отцу четверых детей, находящемуся в служебной командировке в городе Засранске Глубокожопского района. Вооружившись тупым кухонным ножом, я якобы напала на спящего и нанесла увечья, опасные для жизни. Адвокатесса, сучка, даже и не вспомнила на судебном «разбирательстве», что перед этим я была отравлена какой-то гадостью и подверглась сексуальному насилию. Да и переводчица, древняя мумия из нашего посольства, осталась совершенно глуха к моим словам и переводила так, как им всем было надо.

Спецмегера сняла очки и постучала ими по бумагам на столе, заговорив неожиданно усталым бабьим голосом:

– Ева, меня чисто по-человечески интересуется одна вещь...

Таким образом они обычно подписывают на стукачество, агитируют, так сказать. Я сделала детское личико и тонким голосом заверила:

– Маргарита Федоровна! Я стараюсь спросить в отряде!
Она тяжело вздохнула.

– Я не о том. Ты ведь за время отсидки не получила ни одной посылки.

– Бандероль! Мне был бандероль от мамы!

– В 2015-м! Весом в триста грамм! Я не об этом! Ты ведь ни с кем не общалась на воле! Или общалась?

– Я письма слать маман... несколько раз...

Мегера достала откуда-то с пола внушительную картонную коробку из-под туфлей сорок шестого размера и поставила на стол.

– Все эти письма, как я понимаю, на эстонском.

– Это?! Письма?! – я воще потерялась – коробка была плотно набита конвертами. – От кого?

– К сожалению, у нас нет переводчиков, тем более, с эстонского. Сама понимаешь.

– Мне можно смотреть?

– Теперь можешь их все забрать.

Я выхватила вскрытый конверт. От мамы!

«Милая моя доченька! Я уже не знаю, где ты находишься и вообще жива ли! – пятна от влаги. – Но продолжаю писать на официально присланный мне адрес. У нас в трупке произошли некоторые события...»

Не выдержав, я разрыдалась:

– Эмаке!.. (мамочка) Эмаке!.. Эмаке!..

Она мне писала! А я, сволочь, злилась и строила планы психологической мести. Типа того, как приду и посмотрю в глаза. И попрошу ее посмотреть мне в глаза.

Конечно, мама у меня та еще штучка! Всю жизнь протомилась в мечтах о Большой Сцене, Телевиденье и Кино. В таком состоянии для нее стали выпивки и частые смены «друзей» обычным явлением. Неудовлетворенные амбиции часто приводят к алкоголизму и неразборчивости в сексуальных связях. По молодости она и меня так нагуляла. Неизвестно от кого.

Я не могла читать. Слезы застилали глаза, руки тряслись, дыхания не хватало. А сучка оперша продолжала:

– Да, теперь ты можешь их все забрать. Но, Ева! – она сощурила накрашенные веки и поджала губы. – Вот признайся, я никому не скажу и нигде не зафиксирую! Правда! Это останется строго между нами! Кто за тебя вступился? У тебя есть высокопоставленные знакомые?

До меня с трудом дошел смысл вопроса, я маялась другим:

– Есть один. Жаль, что я не резать ему горло!

– Нет, я не о потерпевшем! Хотя его ты наказала гораздо жестче, чем просто лишение жизни! Бедолага остался евнухом. И потерял кресло, ему пришлось выйти на пенсию. Этот вряд ли стал хлопотать о тебе!

– Обо мне кто есть хлопотал?

– Больше того! Одним положением или одними деньгами такого добиться практически невозможно. Слишком уж это сложно!

Я так ни фига и не поняла.

– Вы о чем? Об это письмо?

– Нет. У тебя в отряде осталось что-то личное?

– Конечно! Полкило чай и конфеты!..

– Сходи и заведи их!

– Меня переводят? Я привык в этот отряд! У меня тут отношения, есть подруги! Я не хочу ездить!

– Сходи и заведи личные вещи! – приказным тоном сквозь зубы процедила спецмегера.

Ну, раз уж решено выкладывать все как на духу, типа исповедоваться...

В театр я не поступала, я из него просто и не уходила. Разве что на учебу да на эту отсидку. Я ведь и родилась прямо за кулисами! Во время репетиции. И все детство мое, как и юность, прошли среди этого бутафорского хлама. Хотя у нас и была комнатка в общежитии, за которую никогда не забывали вычитать из жалования, почти все время мы проводили тут, в стенах родного заведения. После моего появления на свет дирекция выделила нам клетушку за примерными в складе декораций. Там мы в основном и обитали, лишь изредка наведываясь на официальное место проживания. Впрочем, так было и удобней с блядскими наклон-

ностями мамы, с ее постоянными депрессиями и запоями по поводу исчезнувших возможностей. На складе декораций за одним из письменных столов я готовила домашние задания, то и дело скатываясь на игру в театр, где я, естественно, играю главные роли и раскланиваюсь на овации зрительного зала.

После школы я поступала в столичное Театральное училище. Но прижиться в общаге среди высоко амбициозных стерв как-то не удалось. Одной из них на втором курсе я испортила основной инструмент актера – расцарапала лицо после очередного выяснения таблицы о рангах. Благодаря обширным связям директора нашего театра и, как я подозревала, автора проекта «Ева Пайдес» (не совсем удачного), меня не исключили, а просто перевели на заочное отделение, вернее, на курсы актерского мастерства.

На момент изнасилования я была, хоть и несовершеннолетней, но уже довольно умудренной в сексуальных делах дурнушкой. Увы, следует признаться, что более-менее привлекательной я была лишь в подростковом возрасте. А потом превратилась в типичную пышечку, к тому же с явным косоглазием. Некоторые из моих случайных ковалеров после второй или третьей рюмки говорили, что в этом есть особое очарование. Что ж, возможно так и есть.

Во всяком случае, министр культуры русского региона что-то заметил во мне. Вероятно то, что я была иностранка, почти не говорящая на их языке. Он сразу подсел

к нашему столу. Кроме меня там сидели здоровяк Яков, рыжая куколка Хелен (на нее он, вероятно, и клюнул), мама (высокая сухощавая блондинка) и я, косоглазая пышечка. Мы даже не выпивали в тот вечер крепких напитков! Этот гад принес нам шампанское, сам разлил в бокалы и – все! В себя я пришла от его воплей в его номере. Я была совершенно голой, как, впрочем, и мама с Хелен. В руке у меня был кухонный нож, а эта сволочь фонтанировала черной кровью, зажимая обеими руками пах.

Во время суда, а он состоялся в марте 2015-го, мне было 17. В тюрьме после задержания мне стали вспоминаться некоторые весьма неприятные подробности той оргии. Это было ужасно! Нет, я совсем не против различных эротических игр, но только если они не связаны с насилием и принуждением. Против этого я могу и восстать. Что, впрочем, и сделала. И не однажды.

В заключении, как сами понимаете, существуют однополые сексуальные связи. В следственной тюрьме на меня наехала одна мамаша, принуждая к сожителству. Я еще не знала внутренних законов и просто воткнула ей в глаз черенок ложки. К счастью у той сучки уже была плохая репутация не только среди заключенных. Я отделалась переводом на строгий режим. Где порядка, как оказалось, гораздо больше, чем на общем.

Ну да, отвлеклась маленько. Уж очень хочется все расставить по своим местам!

9. NNN

Ему понравилась ее честность. Конечно, эта девица не была глянцевою красавицей, судя по фотке на ее страничке, но в общении была простой и естественной. Ну да, с юмором у нее было туговато, некоторых простых вещей совсем не понимала, можно сказать, была вообще оторванной от жизни – не умела делать ничего по дому, в чем откровенно признавалась. На его взгляд не умела пользоваться косметикой и одеваться. Да что говорить, длинноносая худосочная блондинка в цветастом закрытом платье гляделась бы просто колхозницей, если бы не серьги с брюликами (уверяла, что бриллианты настоящие!), такое же ожерелье, браслет и перстень. Хотя драгоценностей он не видел вживую, только на экране смартфона и слегка увеличенные на планшете. Да хотя бы и увидел, вряд ли смог бы отличить от подделок! Не спец! Единственное, в чем он был действительно спец, так это в обольщении. Особенно по электронке! Ну, во-первых, он заказал ретушь известному тверскому портретисту на свое лучшее фото десятилетней давности – хотелось выглядеть на все сто. На это и бабла не жаль!

С другой стороны он просто устал от показной и не очень показной сексуальности новых знакомых, плавно переходящей в распущенность. Хрен знает, чего от него ждали все эти профуры, вернее, чего ждали от этих приключений. Боль-

ших денег у него не было и не предвиделось, обременять себя узами брака он пока не планировал и честно заявлял об этом. Хотя и после свершившихся фактов. Не обладал он ни внешностью киногероя, ни романтической профессией, был самый обычный парень с самым обычным темпераментом. Можно сказать, ищущий свою судьбу. Ищущий на сайтах знакомств.

Вот и Лину он нашел там же. В самом начале своих интернетных приключений он был падок до ярких, нахальных и не стеснительных в выражениях и действиях барышень, да что говорить, до шлюх. Но это только в начале, теперь же, испробовав все (или почти все), как ему казалось, виды секса, он уже как будто и пресытился, захотелось чего-то еще более необычного, странного.

И Тот, кто слушает наши тайные мысли и желания, на Небе или еще где, услышал! Но фотка худосочной и длинноносой блондинки была запрограммирована на исчезновение через сутки после скачивания, мать ее так! Она еще и не дура!

Так началась их ничего не значащая переписка. Лина очень любила порядок во всем, включая отношения. Ей также нравились орхидеи, она их разводила в большом количестве. Любила дорогую одежду и парфюм, хорошую качественную электронику и путешествия. Она не материлась и была замкнута в отношении секса.

Через две недели обмена информацией он стал уговари-

вать ее на свидании вживую. И был счастлив, по-настоящему счастлив, когда она согласилась. Согласилась с определенными условиями.

Разволновался как в первый раз, подыскивая уединенную квартирку, наряжаясь и покупая цветущую орхидею в горшке. Она попросила адрес заранее, ей надо было осмотреться.

Квартирка была (по ее просьбе) на самом краю города в стандартном доме на двух хозяев. Таких тут была целая улочка, улица Карла Маркса. Мебель была еще советского образца, без особого шика, сохранились даже сетевой радиоприемник и огромный ламповый телевизор. Разумеется, он попросил хозяев (за отдельную плату!) как можно тщательней убраться и повесить шторы или занавески поплотнее – в момент предварительного осмотра висела только тюль.

И еще – застелить специально для этого случая купленное постельное белье с рисунками орхидей.

Но все это надо было обязательно и проверить – все знают, что эти домосдатчики сплошь жулье да хапуги. Ключ договорились оставлять под кирпичом на крыльце. Но когда он выбрал время наведаться с проверкой, ключа не было. Он уж выхватил смартфон и стал искать в нем номер этих жуликов. Но на всякий случай толкнул дверь, и она оказалась заперта. Может они еще внутри? Убираются? Нажал «вызов» на экране. Ему сразу ответили:

– Ну что еще? – голос наглой торговки с рынка – жены хозяина.

– Ха! Что еще? Где ключи?

– Какие ключи?

– Те самые, мать вашу!.. – почти кричал он. – Под кирпичом их нет!

– Такого быть не может! Я сама сегодня утром там мыла полы! И положила ключи под кирпич!

– Но их тут нету! – уже не сдерживаясь, заорал он.

В двери щелкнул замок. Он в испуге отступил на шаг. Из приоткрывшейся щели выглянуло испуганно напряженное личико. На которое, как туча на небо, набежала злость:

– У нас за все заплачено! – сварливо выдала дамочка.

– У кого это «у вас»?! – нахлынувшая на хозяев ярость еще не сошла. – У меня тоже заплачено!

Она отняла от уха взявшийся откуда-то смартфон. Изменившись в лице:

– Так это вы?! Что ж вы сразу не сказали?!

10. Серый

(несколько раньше)

Получив уведомление в Службе Занятости от пухленькой, очень недовольной чем-то сотрудницы, Серега подписал не глядя. С улыбкой. И не читая. Он всегда надеялся на лучшее.

– Понимаете, мы теперь вам не будем платить! – обиженно поджав губы, выдала она.

– Почему? – рассмеялся он. – Я ничего вроде не нарушал! Вино сюда не носил, женщин ваших не совращал!..

– Просто сроки все уже вышли! – фыркнула дамочка и вздохнула. – Все! Вам надо искать работу самому! До свиданья! – и переложила еще раз папки с чужими документами на столе.

Он встал, озадаченно почесал затылок, хмыкнул и побрел к выходу.

С последнего места работы его вежливо попросили. Завхоз Больницы Дамир Мусаилович даже растрогался! С налившимися слезами глазами он ударил себя в грудь кулаком:

– Пойми ты меня, Серега! Мне уже вот где твоя работа! – провел ребром ладони по горлу. – Ты заканчиваешь чистить снег к пяти-шести часам! Когда уже никто и ходить не будет! А люди целый день топчут сугробы! Поищи ты себе что-нибудь другое!

Конечно, Серега написал заявление – жалко человека!

А теперь вот к осени и со Службы занятости, из безработных его вроде как выгоняют. Даже смешно все это! Сладко, до хруста в костях потянувшись на крыльце заведения, он направился к дому. Хотя какой это дом?! Так, брошенная кем-то халупа на краю пригорода. Его собственный дом давно сгорел. Тогда ему заплатили около двенадцати тыщ! Повезло, что прописку оставили! Он вообще парень везучий! В дворниках – по десятке как с куста. В Службе занятости по восемь. Теперь надо как-то крутиться на нуле, но он же везучий!

По пути в Огрызково встретился Боря-Трутень. Так его называли за то, что на пятом десятке жил за счет матери-пенсии. Самое удивительное, что у Бори всегда была бутылка в кармане. Теперь спиртное было очень кстати.

– Ты чо такой веселый? – живо поинтересовался Боря.

– Пособие сняли... – глотнув чудовищно противную паленку, Серега вернул пузырь.

– Из-за вируса? А ты на пилораму пробовал?

Пилорама нерусского Фудата за зданием полиции была спасением для бомжей и разного рода беспутных – там в конце рабочего дня платили наличкой и документов не спрашивали.

– А то! Фудат не принимает, говорит, отправляйся на кладбище, уже еле ходишь!

– Погоди! Тебе ж пенсию должны платить! Сколько тебе?

– Шестьдесят три.

– Ну и?! Надо идти добиваться!

– Гонят оттуда! Раз уже полицию вызывали! Говорят, до семидесяти не будет никакой пенсии!

– Ну, тогда тебе только в тюрьму остается! – заржал Боря, основательно отхлебывая.

В животе у Сереги потеплело, он тоже рассмеялся:

– Придется грохнуть кого-нибудь! У тебя нет никого на примете? – он протянул руку за допингом, но Боря отстранился, пряча свое сокровище за пазуху:

– Ты прости, но мне всю ночь сидеть, мамкины поучения слушать!

Пожав плечами, Серега двинулся в свою конуру. Он уже понял, что ему надо делать. Хотя и сомневался. Но надо бы испробовать и другие варианты для начала. Какие? Бологое городок маленький, вдалеке от промышленных гигантов или хотя бы... Вот есть до пандемии открывшийся Стеклозавод в Березайке, куда надо добираться на электричке, или он тоже закрылся? Ковид-19 все уничтожил? На также недавно работавший Арматурный он уже ходил, но там одни замки и охранники. В Бушевце, куда тоже надо по железке, над ним откровенно посмеялись: «Ты чо, дед, страна на карантине! Или ты не знал?!»

Он с легкой грустью вспоминал все это, лежа на голых досках КПЗ. «Хотя, – усмехался в беленые плиты потолка, – раз-

ве не этого я так хотел с утра?!» Тут, по крайней мере, должны кормить. Но с этим они тут не очень-то спешили, мать их так! Напротив решетчатой стены его отсека как раз находилась пластиковая кабина дежурки, где два офицера непрерывно смотрели толи в мониторы, толи в интернет. И делали вид, что заключенного у них просто нет.

Сергея поднялся и постучал по решетке, желая напомнить о себе.

– Эй, старшие! Обо мне тут не забыли? Может, я писать хочу!

Никто никак на это не реагировал. Будто кабина у них звукоизолированная.

11. Ключ

«Все твои дружки уже майоры да капитаны! – с утра бубнила Варька, жена. – Один ты у нас в литехах! Не надоело в участковых ходить?!»

Ей, как обычно, не хватало денег. Третью его нищенского оклада уходила на погашение кредита за дом, немного приносили две точки продажи контрафактного алкоголя, и все! То ли дело у Буйнова – Замостье! Цыганский край, где испокон веков торговали наркотой! Этот Буйнов второй внедорожник на тещу оформил! А у той даже прав нету! И это всего за год! И занес кому надо, потому что уже капитан! Недолго и до майора!

У старлея Ключева с утра башка раскалывалась. И пили вроде бы не паленку! Хотя где они там, в Березайке могли оригинал найти?! Для Варьки он навещал родителей. А пил с Денисом, открывшим второй сельский «супермаркет», вот кому коронавирус пошел на пользу! Этого он знал еще с детского садика! Жирный очкарик клялся и божился, что привез водяру из Питера, из фирменного магазина.

Кое-как дотерпев до обеда, корпя над отчетом и сожрав упаковку аспирина, он собрался уж слинять к Клавке, чтобы там унять боль пивком. И не только пивком! Девчонка гробила свою юность за прилавком вокзального буфета и была просто счастлива, когда он забирал ее «в интересах след-

ствия» в гостиницу.

Собрался. Но из дежурки его неожиданно окликнул майор Карагой, известный местный культурист, косящий под Шварценеггера, только что ростом не вышедший.

– Ключев! На твоей земле сегодня был умышленный пожар! Предполагаемый поджигатель у нас в клетке! Не хочешь на него посмотреть?

Он пожал плечами и, ничего не отвечая, обернулся к предварيلовкам. Этого еще не хватало!

На помосте за решеткой лежал бомжара в стоптанных рыхих кирзухах и поношенной, бывшей когда-то синей, спецовке. Щетина на щеках его была совершенно белой, зимняя вязаная шапка неопределенного цвета была натянута на глаза. Фрукт почивал. Даже когда Карагой соизволил с грохотом положить здоровенный ключ на стойку.

Старлей побоялся вероятной живности в одежде и волосах задержанного, поэтому лишь отомкнул и постучал ключом по подошве.

– Уважаемый! Могу я узнать, на кой хрен понадобилось сжигать ту хибару? Ведь можно было и так обчистить! – обернулся к «спортсмену». – Какой там адрес?

– Кузнецова 25.

– Эт где? – он озадаченно почесал лоб.

– Ну, ты, Ключев! Своего участка не знаешь! Это на самом краю у леса!

– Ну, так там люди в основном мирные, никогда не при-

ходило!..

Пока они препирались, бомжара сел и сдвинул шапку с глаз.

– Кормить тут когда-нибудь будут?

Участковый вздохнул:

– Тут воще не кормят – не положено. Это временный изолятор.

– Так переведите в постоянный! Я жрать хочу!

– Я тоже много чего хочу! Давай так, ты письменно сознаешься, я кормлю тебя от пуза! Идет?

– Идет! Давай бумагу! И ручку не забудь!

Старший лейтенант с торжествующим видом обернулся к дежурным:

– Будьте добры, письменные принадлежности! – и уже когда затворял решетчатую дверь, добавил. – Пока пиши, а я за хавкой. Но учти, если что не так – останешься голодным!

Жаль, конечно, что без Клавки и пива, но надо же когда-то и трудиться на будущее!

12. Серый

Получив бумагу с ручкой, Серега начал сочинять:

«На озере в районе улицы Кузнецова у меня стоят две донки. Поскольку на работу меня не берут из-за старости, а пенсию не платят из-за молодости (мне 63, а пенсия только в 65!), я вынужден кормиться, чем Бог пошлет – ловить рыбу. Ну, так вот, проверяя донки, я заметил дым и мечущуюся женскую фигуру в окне второго этажа».

Серега призадумался. Ведь ему надо сесть не за спасение угорающих!

«И я решил, пользуясь пожаром, обчистить дом. Я сломал замок входной двери и проник в помещение. На первом этаже ничего стоящего не нашлось, и я поднялся на второй. Пока я шмонал по ящикам, огонь уже охватил лестницу. Мне пришлось выбивать пластиковое окно. А тут и хозяйки! Они застучали меня на месте преступления. Поэтому пришлось выбросить все из карманов и спускаться на скрученных простынях».

Наконец вернулся отобедавший старлей с маленьким портфелем в руках.

– Ну, ты чо, написал?

– А то! Давай хавку!

Подошедший вразвалку невысокий атлет в мундире отомкнул дверь.

– На выход!

Его отвели в допросную с единственным столом и прикрепленным к полу стулом для задержанного. Участковый, как понял Серега, Ключев устало опустился напротив:

– Ну, чо?

Серега отдал бумагу, принесенную за спиной, как положено арестантам, и тоже сел. Ментяра внимательно прочел и тяжело вздохнул:

– Увидел женскую фигуру и решил обчистить?

– Ну а что такого?! Я жрать хотел как собака! И теперь хочу!

Участковый опять вздохнул, открыл портфель и достал из него ЕГО тетрадку с планами «назавтра». Ту самую, что он прятал в своем жилище за иконой.

– Кому ты писал это?

– А с чего вы взяли?!...

– Тебя соседи опознали!

– Какие соседи?! Тот дом и был-то нежилым! Чьей-то дачей!

– На улице Кузнецова не один дом! Давай сознавайся! Ты устроил поджог, не зная, что в доме кто-то есть! А потом заметил и... Я правильно говорю?

– Да! Точно! Как же я забыл?!

– Ну, тогда давай, пиши! – ментяра положил еще один листок и ручку перед Серегой.

– Но вы же мне поможете?

– Пиши! Сначала шапку! Участковому инспектору старшему лейтенанту Ключеву Геннадию Ивановичу от... – достал из папочки и паспорт. – Вронский Сергей Александрович, прописанный в сгоревшем доме на Дунаевского 16. Так?

– Да, конечно!

– Напиши, что поджог совершил на почве классовой неприязни.

– В смысле?

– Без смысла! Пиши! На почве классовой неприязни совершил поджог! Кстати, где ты спирт взял?

– Какой еще спирт?

– Которым, мать твою, ты совершил поджог! Пожарники говорят, было вылито не меньше ведра спирта! Литров пятнадцать!

Серега даже выронил ручку, вытаращив глаза:

– Чтоб я сдох!

– Вот и я думаю, такие как ты скорее сдохнут, чем будут спиртом пожар устраивать!

– И то верно! – старый бомжара опустил седую голову.

– Так что там было?

– А ничего не было! Я сломал замок и залез, стал шариться по ящикам, а тут пожар! Что делать?! Хотел слинять, да меня ваши взяли.

– Я прочел показания съемщиц этого жилья. Они говорят, ты их спасал!

– Ну да! А что мне оставалось делать?! Забрался туда,

а там они!

– Значит, пожара ты не устраивал?

– Я даже уже и не знаю, что сказать!

– Слушай, Вронский, а не могли они, те бабы, сами устроить пожар? По нашим данным они обе отсидели солидные сроки. Одна за нанесение тяжких телесных, другая за двойное убийство!

Сергея вытаращил глаза и с раскрытым ртом уставился в пространство.

– Мать моя женщина!.. – жестким усилием воли все ж стяхнул с себя оцепенение ошарашенности. – Так что писать-то?

– Ну, так и пиши: из чувства социальной неприязни... Слушай, а ты сам-то судим?

– Нет. Пока что нет.

– И чего бомжуешь?! Ну ладно! Пиши: Сломал замок в двери, облил лестницу спиртом... стащить ничего не успел... Или успел? Да, напиши, что спирт был там, если ты сам его туда не принес! Хавку не получишь, пока не напишешь! – старлей со вздохом поднялся и вышел из клетки. Замок закрывать не стал, лишь прикрыл решетчатую дверь.

13. Ева

(перевод с эстонского)

Оперша-суперсука дожидалась моего возвращения из отряда с личными вещами. А там, кроме дневальной из ментовских, завхоза и смотрящей с группой поддержки, в рабочее время никому и быть не положено. Меня выдернули с промки из-за швейной машинки, чему я несказанно обрадовалась.

– Что дернули-то? – прогундосила одна из подстилок смотрящей.

Я пожала плечами:

– Не знаю. Сказали вещи собрать.

– Мож на родину?

До меня, медленно думающей чухонки, только теперь стало доходить, что меня ведь могут экстрадировать в родную Эстонию. Не скажу, что это порадовало, меня будто пыльным мешком огрели. Я очень растерялась.

Личных вещей я не нажила. Кроме средств гигиены, смены белья и конфет с чаем, ничего. На большее я рукавиц не настрочила. Короче, с двумя пакетами я побежала назад к суперсуке. Кроме нее в кабинете уже был парень из внешней охраны. Из тех, что сидят на вышках и КПП. Маргарита кивнула на картонный ящик с письмами:

– Забирай!

И я, как клуша, с двумя пакетами и коробкой пошла за весело насвистывающим парнишкой.

Все произошло очень быстро и как в тумане. В каком-то там серо-зеленом боксе меня заставили раздеться до гола, пройти через рамку, наскоро одеться и расписаться в получении каких-то еще вещей.

Я даже не сразу узнала свое платье в зеленый горошек, белые босоножки и сумочку!..

Все вещи в руках уже не помещались. Но конвоиры и не думали помочь! Со слезами на глазах от перенапряжения и физического и морального меня вытолкнули за дверь. На улицу.

Ну да, я эстонка, я из народа, который не славится сообразительностью. Но мне кажется, что любой после почти шести лет нахождения внутри бетонных стен, когда оказывается на открытом пространстве...

А передо мной неожиданно оказалась улица. Улица с неторопливым автомобильным движением, с ярко одетыми не суетливыми прохожими: парнями в шортах и трениках, девчонками в мини и джинсах, детишками и мамами с колясками... У меня закружилась голова, я выронила все свои поклажи и замерла на месте.

Мне давным-давно уже не снились сны о воле. Даже в эротических сновидениях меня всегда окружали стены и потолки, а тут...

С автостоянки ко мне подошли двое атлетов в черных

футболках, под которыми бугрились весьма возбуждающие мускулы. Один из которых был негр. Оба на голову выше меня.

– Ева? – сверкнул ослепительными зубами, будто намазанный ваксой парень. – Пайдес?

Другой, с лошадиной, вытянутой физиономией молча стал собирать с асфальта мои поклажи.

Я растерянно кивнула. К нам подошел еще один, совсем маленький, метра полтора ростом, старикашка с рыбьими безразличными глазами.

– По тебе и не скажешь... – сипло прошелестел он. – Пошли, что ли?

Все еще находясь в полной прострации, ничего не понимая и не соображая, я залезла на заднее сиденье огромного черного внедорожника. Я бы может и воспротивилась бы, если бы меня стали насильно заталкивать или тянуть за руки. Но этого не было. Барахло мое небрежно закинули в багажник и открыли передо мной дверь, дескать, «милости просим!» Но без всяких притязаний на вежливость. Никто даже не улыбнулся.

«Господи! – содрогнулась я от накатившего ужаса. – Что я делаю?!» И закричала в шоке на эстонском:

– Постой! Вы меня с кем-то спутали! Я вас совсем не знаю! И знать не хочу! Я боюсь вас! Кто вы такие?!

Старикашка с переднего сиденья обернулся:

– Чо блажишь-то? Спужалась?

– Да! – заговорила я уже на русском, – я вас не знать!
И не хочу! Куда вы меня везешь?!

Он осклабился:

– Слушай, деточка, ты на воле! Разве это не ништяк?!

– Пока не знать! Кто вы?

Ответа не последовало.

В наше время все, наверное, слыхали о сексуальном рабстве. Некоторые, изголодавшиеся по мужикам зэчки, рассказывали о нем с придыханием мечтательности. Дескать, делать ничего не надо, только ноги раздвигай! Ебут по семь раз на дню! Но это те, кто не бывал там. А те, кто бывал, просто помалкивал, опуская глаза. Красивые глаза. Не такие, как у меня, косые и разноцветные. Если уж быть честной, то я никак не тянула на прозвище «красотка», о которых крутые мужики слюни пускают. Надо это признать. Хотя и не хочется, когда тебе двадцать с хвостиком.

Машина остановилась у магазинчика одежды, старикашка опять обернулся:

– Слушай сюда! Сейчас двинем в эту лавку прикупить тебе шмотье. Вольное шмотье! Выбирай все, что хочешь. Только без фортелей! Согласна?

Я кивнула. Я уже поняла, что меня хотят разобрать на органы. В тюрьме у всех берут анализы. И кому-то подошли мои молодые почки, печенка или сердечко. Надо было рвать когти.

«Да, — поняла я тогда, — меня хотят разобрать на органы!» — и решила делать ноги.

Магазинчик был двухэтажный, с неширокой лестницей в два пролета. Не такой, какие бывают в американских бовиках, где герой палит из автомата направо и налево, теряясь в примерочных, — по сути, совсем крохотный, на два зала: мужской на первом и женский на втором. Людей было совсем мало, в основном служащие в синих халатах, какие-то заторможенные бабы с рыбьими накрашенными глазами. Эти слонялись по залу, куда меня приволокли атлеты с негром. Водила почему-то тоже пошел с нами. Все три головореза плелись за мной по пятам. Я очень пожалела, что не занималась в свое время спортом, хорошо хоть, что в тюрьме пришлось бросить курить из-за недостатка средств.

А вот старикашка, припершийся за нами по пятам, курить бросать не собирался. Даже в запрещенных законом местах! Один из мордоворотов притащил откуда-то стул, поставив его посреди узкого прохода. Старикашка важно уселся, закинув ногу на ногу в начищенных до блеска кирзухах, и закурил папиросу, стряхивая пепел прямо на линолеум. К нему, разумеется, сразу же подскочила ответственная служащая со змеиным шипением. Огромный негр с ослепительной улыбкой что-то сказал ей на ухо, и она утерлась. Т.е. вообще исчезла из поля зрения. Зато появился упитанный и бледный охранник с дубинкой. Которому тоже что-то сказали такое, что он просто увял, как помидор без поливки.

– Что мне брать? – засмущалась и я.

Амбалы заржали, хмыкнул и старикашка:

– А что хошь!

Я растерялась от многообразия одежек всех покроев и цветов радуги. Я даже не знала, что теперь тут, на воле в России, модно! Но, перебирая шмотье, вдруг сообразила, что бежать-то мне будет лучше всего в спортивном костюме и обуви. Ну, уж никак не в тюремном сером халате и говно-давах, в которых пришла.

Когда я, наконец, вышла из примерочной в сером спортивном костюме и неприметных кроссовках, мое сопровождение слегка обалдело. Старик даже закашлялся:

– Все, что ли?!

– А что? – я пожала плечами, – будем балаболка о вкус?

– Да-а!.. – заржал дед. – Узнаю!.. Узнаю!..

Я не поняла, о чем он, пока не обратила внимание, что сам-то старик одет в линялое тюремное хэбэ с тельником и кепчонкой. Да еще в эти сапожищи.

А на выходе из зала я чуть в обморок не упала – там стоял вооруженный наряд полиции. На которых старикашка с его и моим сопровождением просто внимания не обратили. Хотя те жгли дырки глазами в нас.

Я молча заплакала, потому что сорваться тут уж не было никакой возможности. Надежды таяли, как льды Антарктиды, только быстрее.

– Ну, а чем мордашку мазать не купишь? – без всякого

воодушевления поинтересовался дедок.

Я отрицательно мотнула опущенной головой и щелкнула по горлу:

– Я б тяпнул напоследок!

Полутораметровый хозяин, а судя по всему, он и был в этом городе хозяином, достал из внутреннего кармана спецовки плоскую бутылочку. И протянул мне.

– Чего эт ты решила, что напоследок?

Я глотнула обжигающе крепкий напиток из горлышка, отдышалась и еще раз приложились, потому что он жестом разрешил оставить его весь себе.

– Ну, вы ж меня на органы разберете! Для чего еще меня надо было вытаскивать?!

В себя я приходила постепенно. Сперва включилось ощущение пустыни Сахары во рту, тяжкая истома во всем теле, будто я вчера мешки с картошкой таскала, полная пустота в голове... Подключилось острое чувство неисполненного долга. Что-то необходимо было сделать, но все пропало, поезд ушел. Что?

Вместо обычной старой пижамы на мне был мягкий спортивный костюм. А вокруг стояла непривычно жуткая тишина. И темень. Ведь в бараке всегда горел свет, и стоял какой-то шум: кто-то храпел после работы, кто-то с кем-то шептался – ругался или миловался, а кто-то и стонал, мастурбируя или тоскуя. Тут же было тихо и темно, как в мо-

гиле.

Боясь расплескать разжиженные мозги, я поднялась. Сразу обнаружив, что лифчика на мне нет, а футболка одета задом наперед. В трусах было сухо, как и во рту. Хотя писать хотелось до невозможного, мочевого пузырь был переполнен. Надо было искать дальняк, сортир, по-вашему.

В полной темноте я поднялась и, расставив руки и ноги, куда-то пошла. Наткнулась на столик у зеркала трюмо, нащупала стену, оклеенную бумагой. В бараке все стены просто оштукатурены. Добралась до двери, которая свободно отворилась. За ней сильно пахло дорогим дезодорантом. Не для тела. Коленом больно стукнулась. Как выяснилось наощупь, об унитаза. Я застонала от благодарности Богу – Он все-таки где-то есть! Подняла крышку и присела, спустив, разумеется, штанишки. И лишь облегчившись, нашла на внешней, за дверью, стене выключатель.

Я находилась в туалете, совмещенном с душевой. А помочилась в биде рядом с унитазом. Ну что ж, заодно можно и подмыться. Обалдеть! Я давно отвыкла от таких удобств. В небольшом настенном зеркале отражалась жутко испуганная, опухшая от пьянки, косоглазая толстушка. С растрепанными как попало волосенками на голове. И в серой, застегнутой до горла олимпийке.

Лишь теперь до меня стало доходить, где я. Вспомнилось, как меня куда-то везли, а я, как дура, накачивалась спиртным на заднем сиденье и спорила о чем-то с маленьким,

плюгавеньким Хозяином с железными зубами и оловянными глазами. Муторно, конечно, стало до невозможности!

Лишь теперь разглядела внутренний запор на двери. Закрывшись, я чуть не заплакала от благодарности Господу Богу. Хотя и считала себя не очень верующей. Все-таки Он есть! И пока что Он на моей стороне. Я так давно не была в одиночестве!

Я спокойно разделась и долго мылась под душем. На полочке нашлись и мыло с шампунем. Господи Иисусе, такого кайфа я не испытывала уже сто лет! Опиздинеть просто! Полоскаться под душем в полном одиночестве за закрытой дверью! Пахучим мылом и хорошим шампунем! Я уже успела и позабыть, что такое вообще существует!

Заодно простирнула свои тюремные панталончики с футболкой, но одевать их сырыми не решилась. Уж хоть бы кто изнасиловал, что ли! Натянула свои новенькие спортивные брюки прямо на голое тело. Как и курточку.

При включенном в туалете свете быстро нашла и комнатный выключатель. Это оказалась небольшая спальня с кушеткой, трюмо и плоским теликом в углу. Ах, нет, тут еще был абсолютно пустой, вделанный в стену шкаф с раздвижными дверями. В ящиках трюмо тоже ничего не было. Все было абсолютно новым, еще не использованным. Более того, под новенькими подушками лежало новенькое, даже не распечатанное еще постельное белье. И подушки эти, две (!), были не барачные, к которым я привыкла, со сбившейся

в камни, пропахшей потом ватой, а нечто совершенно воздушное, легчайшее и мягчайшее. И аккуратно сложенный в кресле (да-да! в настоящем кресле перед ящиком) легчайший плед – все было очень чистым, пахучим и явно ни разу до меня не пользованным. По крайней мере, от всего пахло складом или магазином. И вообще, запах постороннего, особенно бабы, а это была бабская спальня, – я бы сразу уловила. Даже с такого похмела, в котором находилась!

Плотные двойные шторы на огромном окне с дверью на балкон я открыть не смогла – они просто так не раздвигались. За пластиковым окном была лунная ночь. А я луну уж и забыла, когда видела в последний раз! Что это со мной? Куда я попала? Дверь мягко и бесшумно открылась, я оказалась на балконе.

Еще совсем недавно я полжизни бы отдала, чтобы вот так выйти на балкон под луну и посмотреть на крыши и деревья вокруг! Нет, мне не верилось, что все происходит в действительности. Все было слишком сказочно. С этими мыслями я вдохнула пахучий майский ветерок, ясно понимая, что все это мне только снится.

Мне париться еще пять лет. На досрочку рассчитывать не приходится из-за неуживчивого характера и регулярных отсидок в шизо. Пять долгих лет мне слушать ночной шум барака, и мастурбировать под лай собак на запретке, страшился неожиданных шмонов и ждать отоварки в ларьке.

А днем мечтать под стрекот швейной машинки о письмах от вероятных заочников, которые лично мне почему-то никогда не отвечали. Даже не видя моего фото. А по вечерам пялиться на мыльные сериалы по ящику в комнате отдыха и чифирить с якобы подругами. Которые легко сдавали за одну заварку. А за то царапать их единственные сокровища – вывески, которой у меня никогда не было. Вот моя настоящая жизнь!

А может у меня крыша съехала, и теперь меня глючит всюю? Так размышляла я, стоя на балконе «сказочного замка сказочного принца». Потом всплыли вчерашние подозрения по поводу отъема органов. В конце концов, я ведь не знаю своего отца, не знаю, что за ДНК во мне, у кого они, мои органы, могут прижиться...

14. Виола

До пяти лет она не говорила. Нет, как будто и говорила что-то своим куклам, но это было понятно лишь ей самой. И, может быть, куклам. А их у маленькой Виолетты было немало. Отец Иван, еще молодым приехавший из Белоруссии, был известный в Бологое гробовщик. По улицам он ходил в черном костюме с галстуком и шляпой, в которую выливал по полфлакона «Тройного», в то время как остальная «гопота» шастала, в чем придется. В Кривом переулке у него была столярка, принадлежащая, конечно же, Городскому Коммунальному Хозяйству, ведь то были еще советские времена. Но пользовался он этим помещением со всеми инструментами и станками по собственному усмотрению. И деньги народ платил ему лично. Хотя что-то перепадало и Начальнику, разумеется, и на налоги с различными откатами государству. Доченьку свою он очень любил, хотя мечтал, конечно, о сыне, которому можно было бы передать свое ремесло с инструментами по наследству. Маленькая Виола у него в мастерской порой и засыпала в стружках, а ему потом приходилось ее искать.

И первое слово, ею сказанное в пять лет, было не «мама», как у всех, а «ПАПА!» И случилось это, когда Иван, как обычно перебравший с субботним вермутом, по тому же обычаю принялся колотить маму. Неизвестно почему, но он

делал это всегда, то ли ревнуя, то ли сердясь за что-то иное. А может быть, просто негодуя на жизнь, которая у него была совсем не сахар. Дело в том, что ему от Хозяйства, когда он женился, за городом был выделен участок под строительство. А также и лес. Но деревья были в чаще, километрах в пяти от начатого сруба, а на транспорт у тогда еще никому не известного столяра денег не было. И каждый день после работы он шел туда (жилье они тогда еще снимали) и приносил на плече бревно. Иногда успевал принести два, а то и три. Строил он один, изредка лишь привлекая супругу, которая уже имела огромный живот. Дом строился почти два года, столько же его Нюся была беременна. Беда в том, что первая девочка родилась нежизнеспособной. Как потом сказали из-за несовместимости партизанской белорусской крови с бологовской, вернее даже с огрызовской купеческой. Нюся его была из старинного купеческого рода, раскулаченного, разумеется, Революцией. Хотя в Бологое всегда правили торгаши и спекулянты независимо от флага над зданием Администрации. Как теперь торгаши и спекулянты правят великой некогда страной. Младенца внесли в дом, как другие вносят кошку. Но и это еще не все. Беда в том, что Иван был столяр, и решил, что и в печном строительстве нет ничего особенного – натаскал б.у. кирпича от городской котельной, замочил глину и слепил нечто на свой вкус и цвет. Через год, когда древесина стен, пола и потолка просохли, а печь окончательно расплзлась, они вновь лишились жилья. Хо-

рошо еще успели девочку вытащить из огня! В глубине души Иван догадывался, что стало причиной пожара, но, как большинство мастеров своего дела, был уперт до безумия. Следующий сруб он смастерил уже за год. Но и он сгорел через восемь месяцев. Опять же из-за рассыпающейся печи. Поговаривали, что именно из-за этих жутких зрелищ девочка не смогла начать говорить в срок, как у всех.

Росла она худеньким, болезненным ребенком с белейшими, как первый снег, прямыми волосами по пояс, ела только суп из кильки в томате, манную кашу с черничным вареньем да пряники с молоком на ночь. И больше ничего. Однажды, когда родители по настоянию местного фельдшера решили втиснуть в нее ложку рыбьего жира, маленькая Виолетта шустро забралась под родительскую кровать и не вылезала оттуда до позднего вечера, рыдая взахлеб.

Школьницей они была очень тихой и спокойной, с ужасом сторонилась бегающих и скачущих на переменках одноклассников, никогда не шалила ни на уроках, ни после них. Но училась ниже среднего, все слова в предложении писала слитно и так, как слышала. Иногда даже споря с мамой при выполнении домашних заданий и доводя ее порой до слез своим упрямством. «Ма-ло-ко! Потому что всегда мало!» – упорно следовала она собственной логике.

После занятий в школе у маленькой Виолетты было два любимых дела: игра в куклы на лугу за огородом и вырезание разных фигурок ножницами из газет. И не только –

однажды она изрезала случайно найденную папину записку – целых пятьдесят рублей пятерками! Разумеется, такого нельзя было оставлять! Но девочку никогда никак не наказывали. Папа просто пропил часть домашнего бюджета и понял, что надо делать – маленькую Виолетту отвели в Художественную школу, где знаменитый в Тверской области художник Константин Александрович Медведев принялся учить ее пользованию красками. И очень скоро, ему понятно, все обои в доме были в учебных эскизах. И не только обои! Разумеется, ей пытались запрещать пачкать предметы быта, но куда там! Шкафы, буфеты, холодильник и телевизор были расписаны оригинальным орнаментом. Дорогущие художественные краски покупал папа, надо сказать, покупал порой со слезами на глазах. Однажды юная художница расписала красными петухами шикарный дубовый гроб внезапно скончавшемуся (говорят, от обжорства) Начальнику Отделения Железной дороги! Этот гроб Ивану пришлось оставить себе – он поставил его в сених и иногда, слегка перебрав, ночевал в нем, посадив крышку на дверные петли. А поскольку ящик был размера на три больше положенного ему, он провел в него электричество, сделал полочки для бутылок, стакана и нехитрой закуски. Ах, нет, еще и специальное гнездо для приемника, маленького транзисторного приемника! И щекотку для запирающего гроба изнутри.

В девятом классе, а это случилось в мае, в самом конце учебного года, Виолетта впервые пошла на танцы. Парни

в те времена ходили в брюках клеш, свитерах и плащах болонья. Особо продвинутые носили длинные волосы, железные перстни и остроносые туфли на высоком каблуке. А ее пригласил на первый танец статный парень в темном костюме, правда без галстука, но с очень короткой стрижкой, голубыми глазами и мощными ручищами. Почти как у папы. И пахло от него не бормотухой, как от остальных, а настоящим «Шипром». Всю дорогу от танцплощадки у ДК на берегу Озера до самого ее дома на самом краю Огрызково он пронес ее на руках. Но родителям она об этом не сказала. И звали парня тоже Иван, как папу.

Все лето по субботам она проходила на танцы. И Иван все лето носил ее на руках, не позволяя себе никаких вольностей, вплоть до поцелуев в щеку! Целовал он ей только руку у ее калитки, прощаясь на неделю.

Почти таковы были провинциальные нравы, а эта пара даже несколько отставала в этом отношении, потому что уже приближалась Олимпиада в Москве, которая враз изменила отношения полов в России. Даже и в провинции!

В начале следующего Учебного года плачущая Виолетта упала в ноги к отцу с ревом:

– Владик мне сделал Предложение!

Это происходило в его мастерской, усыпанной стружкой. Папа сдвинул очки на лоб, совершенно недоумевая:

– Какой еще Владик?!

– Мой Владик! – девушка подняла залитые слезами глаза

на него. – И я выхожу замуж!

– Милая!.. – отец опустил на свой изрезанный рабочий табурет. – Мне кажется, вам надо бы немного повстречаться, походить на свидания!.. Что там еще?! Ты уже целовалась с ним?

Виолетта испуганно замотала головой, она была уверена, что от поцелуев рождаются дети.

– Он целовал мне руку!

– А почему о замужестве просишь ты, а не он? Сколько ему лет?

– Ему двадцать два! Он уже отслужил в армии! Работает сварщиком в Сельхозтехнике!

Папа обреченно вздохнул, нашел в увесистой связке на поясе нужный ключ и отомкнул шкафчик с большим красным крестом. Достал оттуда чекушку со стопкой и надкушенный бутерброд с килькой. Задумчиво наполнил стопку, выпил и крикнул, занюхивая бутербродом.

(наше время)

Она робко постучала в дверь комнаты на втором этаже. Оттуда раздавались какие-то странные звуки, возгласы на каком-то непонятном языке. Наконец после долгого довольно ожидания она увидела в проеме раскрасневшееся широкое лицо косоглазой девушки, одетой в черный костюм аквалангистов, разве что без ласт, хотя и в калошах.

– Сто? – задыхаясь, спросила она. – Ты кто?

– Я Виола, а ты Евушка?

– Ева! – девица отступила, впуская женщину. – От Зюйд-Вест?

В маленькой комнатухе поместились только кушетка, трюмо и современный телик в углу у окна. Тут же встроенный стенной шкаф с раздвижными дверцами. На большом плоском экране беззвучно выясняли отношения люди в костюмах средневековья. На столике под зеркалами лежала раскрытая книга, довольно толстая; на пестром покрывале постели бросался в глаза большой мотоциклетный шлем с отходящими от него проводами. Провода отходили и от плеча костюма. А рядом со шлемом стоял раскрытый ноутбук. Явно включенный.

– Он попросил меня...

– Подглядеть?

– Помочь! Он сказал, что ты по-русски не очень!..

– Пять лет учил! В тюрьма!

– Я десятку оттарабанила!

– Где? Я тебя не видел!

– В Твери, в тюрьге! А ты была в Волоке! Мне Зюйд-Вест сказал. – Виола, потоптавшись, присела у трюмо. – А что это на тебе? Водолазный костюм?

– Хуже! Ты бы выйти? Мне снять надо!

– Без проблем!

– Можешь внизу дриньк!

Женщина виновато развела руками:

– Не могу. Я стесняюсь.

– Зачем? Ты же телка Зюйд-Вест!

– Нет! Я его впервые вижу!

Ева в недоумении села на койку в расстегнутом уже сперебри скафандре.

– И он позвал тебя?

– Да. Позвал помочь тебе разобраться в чем-то. Уже не знаю в чем.

– А где он... Откуда он... Как он узнал тебя?

– Не знаю. Я работала в столовке, он слал мне передачи.

– Десятку?

– Нет, восемь лет. Первые два года он не видел еще меня, не знал.

– В кормушку?

– Ну да... – Виолетта вздохнула. – Я и не знала, что он такой маленький!

– А когда ты вышел?

– Сегодня утром. Но я еще... мне никак не въехать!..

– Ладно, сиди тут! Я воше сумасшедший был первые дни! Я тут уже второй неделя. Он говорил мне о Вайлет, мне приятно, что ты такой! – Ева широким жестом указала на раскрытую подшивку. – Почитай пока!

Виола принялась молча читать:

«Устройство:

Скафандр с кибермонитором в шлеме и ПТО (Передатчик Тактильных Ощущений) в оболочках, на которые пере-

дается информация с Материнского блока – 2 шт.;

Материнский блок – устройство в виде ноутбука, в который стекается информация от передающих мобильных, на которые в свою очередь она поступает от микрочипов в организме донора – 1 шт.;

Микрочипы – микрокапсулы-передатчики, на которые поступает информация от нервов со спинного и головного мозга донора для передачи ее посредством мобильного устройства на Материнский блок – 32 шт.»

Впрыскиватель – устройство безболезненного впрыскивания капсул с микрочипами в организм донора – 2 шт.

Программка-паразит для мобильного устройства (смартфона или айфона) принимающая, записывающая и передающая поток информации с микрочипов. Находится в Материнском блоке.

Инструкция – 1 шт.

– Ни фига себе!.. – Виола вытаращила на Еву серо-голубые глаза. – Ты ученая, что ли?

15. Виола

– Короче, надо найти донора! – Ева возбужденно вскочила и сделала два быстрых шага к окну. И тут же вернулась. – Там есть один запись, но...

– Поэтому ты и была в этом костюме? – Виола смотрела на нее широко раскрытыми глазами. Теперь Ева была в футболке и джинсах. – Чтоб просмотреть запись?

– Типа того. Там видишь чужим глазом, как в кино. Только еще и... Как сказать, мать ее?! Кожа чует! Въезжаешь?

– Нет.

– Ну, если там его там кто-то стукнет, ты ощущаешь, тебе больно тут! Ясно? Он там на колючку пяткой встал, я чуть не описалась!

– Кто он?

– Я не знаю! Какой разница?! Мужик какой-то!

– И ты за ним следила?

– Нет, там запись. Он все время повторяет одно и то же! Я смотрел три раза! Если хочешь, одень другой костюм! Сам увидишь!

– А на фиг тебе донор?

– Ну как?! В тебе нет интерес?! – она быстро подошла к двери и выглянула в коридор. – Никого! – прикрыла и замкнула на защелку. – Выпить хочешь?

– Да не особо.

Девушка достала из-под кушетки бутылку, вынула пробку и сделала глоток. Протянула и ей:

– На, возьми! Легче будет!

Виолетта взяла и сделала маленький глоток. И чуть не уронила бутылку, вся задержавшись.

– Ой! Что это?!

– Ты сто, не выпивал никогда?! – Ева забрала у нее посудину. – Это коньяк! Хороший! – приложила снова, занюхала откуда-то взявшимся яблоком и протянула ей.

Женщина взяла яблоко, вытерла слезы, шмыгнула носом.

– Я думала, это вино!..

– Ты грызи! Грызи! Легче будет! – достала из раскрытого шкафа еще один «водолазный» костюм. – И вот это примеряй!

(после пожара)

Такси доставило их к Гостинице без всяких приключений. Водила, молодой усатый блондин с истатуированными руками, лишь раз спросил о произошедшем, принимая от Евы мятую сотенную. Но женщины только вздохнули, глотая слезы. Итак, все было понятно. Полицейский обещал созвониться с Гостиницей и, видимо, исполнил обещание. Потому что единственная за стойкой служащая лет пятидесяти в золоченых очечках и кокошнике вместо приветствия спросила:

– С пожара?

– Да.

– Документы какие-то есть?

Одетая лишь в ночнушку Виола молча положила на стойку паспорт.

Косоглазая Ева в оранжевом махровом халате с ухмылкой развела руками.

Служащая извинительно улыбнулась:

– Да ничего! Мы и так бы устроили вас! Нас предупредили из полиции! Просто назовите имя!

– Ева Пайдес.

– Вы из Прибалтики?

– Да.

– А вы, значит, Виолетта Ивановна Сковорода...

– Да, проводите нас, пожалуйста, в номер!

– Стоп! – вперед выступила косоглазая. – Банкомат где? – и показала карточку.

– Тут нет. А вы, Виолетта, не учились в Двенадцатой школе?

– Да... – блондинка сощурилась на служащую. – Мне вас не узнать.

– Марина тогда еще Павлова! Я училась в параллельном классе! Мы на танцы вместе ходили!

– Да, может быть... – было заметно, что она не помнит.

Ева постучала карточкой по стойке:

– Слушай, Марин! Как тут выпивка заказать?

– Что вас конкретно интересует?

– Что горит! У нас стресс! Мы были в пожар!

– Я сейчас позвоню в кафе. Вам в номер занесут. – Марина эта похоже, злилась, что Виола не смогла ее вспомнить.

А та в полном упадке физических и моральных сил просто взяла ключ и двинулась к лестнице. Даже не оглядываясь.

Ее молодая подруга по несчастью задержалась и нагнала уже в коридоре второго этажа. С рюкзаком и бутылкой в руках.

Навстречу им вышла ослепительная «уборщица» Екатерина на двенадцатисантиметровых каблуках. Ева так и замерла, глядя на нее. Неизвестно, что ей двигало, но она, отбросив рюкзак, заступила блондинке дорогу.

– Гуд афтенун, бэйби!..

– Чо надо?! Я тебя не знаю!

– Тысяа баксов!

– Чего-о?!

– Работа тебе! За тысяцю баксов!

– Работа?! Я с девками ни-ни!.. А точно тыща?

– Мозно и боле! Нужна осень-осень красивый бейби! Та-кой как ты!

– Ладно! Что делать-то?

– Играть! Как в кино! Или театр!

Нет, конечно! Екатерина не могла поверить своему счастью! Не может быть, чтобы в коридоре гостиницы какая-то косая бабешка в воняющем дымом халате оказалась тем, о ком она мечтала долгими серыми утрами!

– Но у меня нет диплома... – высоким, почти плачущим голосом произнесла она.

– Это очень-очень хорошо! Нужен все естественный!

Чухонка развила немыслимую энергию – забросив в номер свой мешок и бутылку, помчалась с новой знакомой в кафешку. Прямо в банном халате! Там ей, разумеется, отказались выдать наличку, но продали бутылку самого дорогого коктейля, бутылку которого она попросила раскупорить и спрятать в бумажный пакет. С этой бутылкой она вызвала такси и потащила Екатерину к Сбербанку, где к ее немалому удивлению сняла таки с карты сто пятьдесят тысяч, половину которых посулила ей. Теперь уж и деваться было некуда!

Эту картину надо было наблюдать воочию, как сумасшедшая разноглазая иностранка в оранжевом халате и в сопровождении весьма легкомысленно одетой и накрашенной девушки отнюдь не монастырского нрава суют пачки купюр в пакет явно с бутылкой и под невероятным общим вниманием выпархивают на улицу к ожидающему их такси. И при этом по очереди пьют с горлышка из того же пакета!

16. Кабысток

Он не сразу понял, что приехал сюда впустую. Может быть, этого делать и не надо было. Матвей Егорович даже порадовался, что не поставил в известность МУР в лице майора Синицына.

Потолковав с проституткой и служащей, он сообразил, что гостиница тут совсем не для приезжих. Походив после завтрака по пустым коридорам на трех этажах и обнаружив, что кроме него и еще двух дам, пострадавших на пожаре, тут никто и не живет. И действительно, зачем им охрана?! Даже и об этих погорельцах он узнал совершенно случайно от Натальи, временно нанятой администратором толстушки.

И он прекрасно понимал, что вряд ли кто из так называемого персонала сможет поведать ему о настоящем хозяине этого предприятия. При желании он мог бы поднять всю документацию, счета и прочее, но зачем? Во времена своей службы ему приходилось сталкиваться с такими предприятиями-призраками. По документам они приносили вполне приличный доход, за них платились все необходимые налоги, а на деле через них просто легализовались доходы от преступных промыслов. Может от взяток, может от производства контрафакта или наркоты, а может еще от чего, в данный момент эту якобы гостиницу надо было просто взять

на учет, на собственный учет.

«Господи Боже мой! – изумлялся Матвей Егорович, выйдя уже на мостик, на разбитую в хлам улицу. И тротуары, и проезжая часть были вспучены, все в трещинах, кое-как залеплены. – Господи Боже мой, и когда ж вы нажрётесь?!» – это относилось к новым русским, администрирующим город. Ведь явно средства на весь этот беспорядок получались и распределялись. Но Бологое – закрытая для глаз Правосудия терра инкогнито. Никто из больших начальников сюда не поедет, тут можно все.

Напротив отделанного пластиком здания гостиницы в тени небольшого сквера сидел памятник Льву Николаевичу Толстому. Вспомнилось восклицание из «Джельтменов удачи»: " Кто ж его посадит, он же памятник!..» А за спиной Льва Николаевича, как ни странно, находилась Спортивная школа, судя по транспарантам, прикрывающим фасад двухэтажного строения.

Он помнил, как его везли от вокзала (свой драндулет добывать на таких дорогах не хотелось) и направился туда, полагая, что в таком населенном пункте именно вокзал должен являться Центром.

Матвей Егорович прекрасно понимал, что действует сейчас отнюдь не профессионально. Что можно было вот так, слепую, по сути, отыскать? В городке восемь тысяч населения, почти вся молодежь где-то на заработках или в учении. И даже пенсионеров отсеивать нельзя, маньяком вполне мо-

жет быть один из них, «жирующих» на заслуженном отдыхе и мстящих за свой, по мнению Госдумы «достаток».

17. Ева

(перевод с эстонского)

Все предки по маме были сельские учителя, скотоводы и огородники, абсолютно спокойные эстонские почти интеллигенты, обожаящие Лутца, Тамсаре, Ленарта Мери и «Калевипоэг». Из тех, кто много трудился и немного читал по вечерам, к счастью, не только Библию. Мама порвала со всей родней одним махом, поступив в Театральное училище. В те годы это была одна из самых постыдных профессий в Эстонии. Это было примерно то же, как если бы она пошла в проститутки или воровки. К тому же мама не стала вести приличный, по общему мнению, образ жизни. Она не вышла замуж и меняла кавалеров, как перчатки, и пила, как лошадь после скачки. Вообще-то блядство на моей родине вполне допустимо и не очень осуждается. Но только в том случае, когда у бляди есть муж с хозяйством, и нет пристрастия к горячительным напиткам. Если баба – рабочая лошадка, ей можно и расслабиться иногда, если втихаря и без скандалов. Там даже Отелло не понимают на подкорковом уровне!

Ну вот, а мама всегда, насколько я помню, была честной и открытой блядью и алкоголичкой. И никогда не стеснялась своего образа жизни, и никогда не умела притворяться. Хотя и служила в Театре, где притворство должно бы

становиться искусством.

Потоптавшись на балконе, я решила все ж не рисковать костями, а поискать возможность слезть. Вспомнила о простынях в пакетах, вернулась в комнату, распечатала и связала их в подобие каната. Получилось четыре метра, ништяк! Примотав свой канат к решетке балкона, полезла вниз. Но из-за темноты и суеты узел получился слабым, вес моей необъятной задницы развязал его, и я с диким воплем рухнула в чьи-то крепкие объятия. Ловец даже не захотел ставить меня на ноги, так и понес. В дыхании его запах курева мешался с запахом свежего пива. А я глотала слезы отчаяния и обиды на судьбу. Амбал, без особого напряжения поднялся на крыльцо, пнул ногой дверь и внес меня, как младенца. И бережно, очень бережно опустил на подгибающиеся босые ноги. Тапочки я где-то потеряла.

При свете настольной лампы старикашка выглядел еще страшней. Он пил пиво из большой кружки и задумчиво смотрел на меня своими оловянными глазами. Как настоящий людоед. В пепельнице дымился окурок папиросы, а за его спиной дотлевал огонь в камине. На каминной полке была собрана целая коллекция бутылок разных конфигураций и разной степени наполненности. В огромной зияющей топке вполне можно было бы зажарить сразу двоих, таких как я. Ну, слегка укоротив ноги и отрезав пустые глупые головы.

– Мы думали, ты будешь прыгать... – устало, даже без усмешки прохрипел людоед, сверкнув железными зубами. – Пацаны, эвон, натаскали кучу песку под балкон!

Я всхлипнула:

– Вам нужен мой кости? Целый?

– Не реви! – вздохнул он. – Вчера ты была повеселей.

Я напряглась:

– А что вчера был? Вы смешали мне что-то в выпивка?

Хотели отъебать втихую, силком?

– В этом не было нужды. Ты выпила литр коньяку, запивая его пивом. Без закуски. Даже я в молодости такого бы не осилил!

– Ты маленький, а я большой! – я оглянулась на возвышающегося надо мной негра и добавила грустно. – Относительно.

– Ну и Колян у столько не выжрать за раз! – ухмыльнулся дед.

Мой носильщик шагнул вперед:

– На что забьем? – в его базе зарокотал вызов с оттенком обиды.

– Не будем. Вам бы только ужраться в хлам! – он почесал стриженую голову. – Чего там Гаврюша у Сковороды застрял? Позвони ему!

Я встрепенулась:

– Ты знаешь Виолетту?! Сковороду?! – хотя сама знала ее только понаслышке, видела пару раз издалека на пересылке.

Об этой даме в наших кругах рассказывали, как она одним ударом сковородки (при такой фамилии!) убила измывавшегося над ней полжизни мужа, а потом и мента, пришедшего арестовывать ее. В тверской тюрьме она работала поваром и решала непосильные даже для администрации вопросы. Однажды к Новому году, когда нас стали кормить сплошной тухлятиной, ей (лично ей!) прислали целый вагон китайской тушенки. А снабженца заведения нашли повешенным у себя в туалете. Со ртом под завязку набитым той самой тухлятиной.

Мой вопрос старикашка проигнорировал, придвинув по столу бутылку пива:

– Глотни, легче будет!

Во рту у меня, как я уже говорила, была пустыня Гоби, а может и Сахара вместе с ней. Поэтому я без слов жадно припала к горлышку. В голове немного прояснилось, и страхи стали отступать – если они вызвали Виолетту, значит, на органы разбирать точно не будут. Хотя хрен их, блатных, знает! Сама я никогда в их мир не лезла, хотя и не опускалась до пиздолизки и уборщицы отхожих мест. Всегда была обычной работягой, давала по пачке чая в месяц на общак. Но и ее отдавала с умыслом, что в изоляторе, куда я из-за своего поганого характера частенько попадала, меня будут греть. И грели.

Прикончив бутылку, я отдышалась, разглядывая обстановку. Передо мной, как я уже упоминала, был камин со сто-

лом перед ним. Вокруг стола стояли обычные струганные лавки, где и восседал сам Хозяин в тельняшке. За спиной же была длинная барная стойка с высокими деревянными табуретами перед ней. Зеркальные стеллажи за стойкой были тоже заставлены разнообразными бутылками. Спиртное в этом доме уважали. На противоположной от входа стене была деревянная лестница на второй этаж. Откуда я пыталась смыться. Безуспешно.

Старичок кивнул с усмешкой:

– Вчера ты тут давала концерт!

Я напряглась:

– Буянил?

– Ну что ты! Ты ж у нас артистка! Хорошие, между прочим, стихи читала! Даже я прослезился!

Поверить в такое было трудно.

– Нет, я и русский язык не знай! С трудом говори!

– Ну, там был не только русский. И не только стихи.

– Что еще? – мне стало страшно.

– Еще ты пела и играла на гитаре... – вздох. – Ее больше нет.

– У меня нет музыкальный слух!

– Мы это заметили, когда ты разбила инструмент о стойку бара.

Я опустила голову.

– Извините меня! Пожалуйста!

Позади меня хмыкнул негр:

– Лучше всего у тебя получился стриптиз на стойке бара!

У меня закружилась голова:

– Стриптиз?! На стойке?! Да я высоты боюсь! И танцевать не умею! Особенно стриптиз!

Негр достал смартфон, но старик остановил его:

– Коля, не надо! Девице и так туго!

– Как скажешь, Зюйд-Вест!..

Так я впервые услышала погоняло их старшего. Стыдно было конечно жутко, просто не вмоготу! Хотелось сквозь землю провалиться! Ноженьки мои подкосились, и я присела бочком на скамейку с низко опущенным пылающим лицом.

Зюйд-Вест закурил новую папиросу и, положив зажигалку на пачку, придвинул мне:

– Кури, если хочешь!

– Я не курить. Или вчера?..

Он вздохнул:

– Увы! И не только табак.

Все стало ясно. Я поджала губы, открыто глядя ему в водянистые глаза:

– Это нечестно! Вы давать мне наркотик! – и опять заплакала, – Я некрасивая!.. Никто меня не захотел!..

Он налил стопку из фаянсовой бутылки:

– Тут лекарство для прочистки мозгов. Выпей! И запомни, я не желаю тебе зла.

– Что это? Опять наркота?

– Это всего лишь чача.

С рыданиями в груди я выпила, поперхнувшись, крепчайший напиток и, вытаращив глаза, поскакала вверх по лестнице. В поисках покоя.

Дверь «моей» комнаты была распахнута, как для приглашения. В голове моей постепенно наступало затишье, тело тяжелело. Я ввалилась, забыв прикрыть дверь, и рухнула на кушетку. Последнее, о чем я, уже без эмоций подумала, это то, что меня никто не хочет.

18. Виола

(немного раньше)

Она почти кубарем скатилась по узкой лестнице. Зюйд-Вест, завернутый в плед, снова сидел у камина со стаканом чая в руке. Медленно обернулся, поднял на нее тяжелый взгляд устало полуприкрытых глаз. Длинно вздохнул:

– Отказываешься...

Она закусила губу, даже как будто простонала:

– Нет... Совсем нет!.. Но мне не понять! Откуда ЭТО у тебя? У вас! И вообще – что это такое?!

Он грустно усмехнулся.

– Я в школе только семь классов осилил. В четырнадцать уже сел. За карман. Это я к тому, что из нас двоих грамотная ты! Как эта музыка ко мне попала? Да очень просто! Наркоша один выставил ее на продажу. Не афишируясь, через Интернет. Я в этом не ахти, не обессудь! Ты присела бы!

Виолетта подтащила табурет и опустилась на него, жадно заглядывая вору в глаза.

– Ну?

– Покупать приехали америкосы. Мои люди пасли их. Не из-за этой игрушки, нет! Они везли бабло. Наличку в бакинских. На них мы и повелись. Ну и нахлобучили всю ораву. Из того, что дошло до моего малограмотного ума, я понял – это что-то вроде мобильного. По современному теле-

фону можно передавать картинку и звук. А тут эти наркоши придумали, как можно передать еще и осязание, ощущения с кожи всего тела.

– А может они тоже того?.. В смысле – увели у кого-то!

– Вполне возможно. Но мне-то какая разница?!

– Как это «какая разница»?! Какой-то человек это изобретал, разрабатывал, трудился день и ночь, а его обокрали!..

Старый уголовник рассмеялся:

– Милая, ты забываешь, с кем говоришь. Я – вор. Я с детства был против частной собственности на что бы то ни было. И теперь, в старости, я еще больше уверился в том, что ничего на земле не может принадлежать кому-то одному. Голыми мы рождаемся, голыми и подышаем. Все, что есть на земле, принадлежит Творцу. И творцы не мы, не грешные грязные создания! Все творит (в том числе и в нас) Небо. А мы только проводники. Тот инженер, что сработал это устройство, наверняка испытал восторг от самого акта открытия, это и стало ему наградой. Должно стать!

– Но послушай, Зюйд-Вест! За труды полагается плата! У него украли его труды!

– Ну, во-первых, забрали у наркоши с американскими дельцами. Наркоша бы крикнул, употребив столько наркоты, сколько мог бы купить на то бабло. Мы его спасли. Ну а тот, кто и взаправду сотворил это устройство, наверняка соорудил уже еще одно такое же! Он же в курсах, как это делать!

– Но мы об этом не узнали! К денежному вознаграждению

полагается еще и слава! Известность! Об этом должны бы день и ночь трюндеть по ящику! Ты что-нибудь слышал?

– Не слышал. Пока. Может изобретение обкатывается как-то, хрен их, чинуш, знает!

19. Витюнчик

Сначала он повелся просто на штуку, которую ловко перевернул из баксов в евро. Было заметно, что их это не особо напрягло. И он отправился с ними в гостиницу.

В какой-то момент он ощутил холодок ужаса за воротником. Ведь никто не знает, на что способны эти!.. Но за штуку баксов он согласился бы и на изнасилование, возможно. В тот момент ему особо остро нужны были те деньги. И вот эта Ева с кривой ухмылкой отсчитала десять сотенных баксов.

– А в евро это будет... – он сделал вид, что считает в уме.

Девка без особого сожаления добавила две купюры:

– Хватит?

– Возможно! – усмехнулся он, пряча деньги в бумажник.

Ева обернулась к Виталию, прищурилась, словно бы сомневаясь. До этого она смотрела на окна забракованной ими квартиры, а он уже направился к яркой машине.

– Что вы учишь?

– В каком смысле? – усмехнулся он.

– Вы ученый, так?

– Ну, допустим!

Ксения в своей драной джинсухе уже запрыгнула на сиденье и нетерпеливо постукивала ладонями по рулю. Жопастая, затянута в кожу иностранка тронула его за плечо, чего

он не переносил в принципе.

– Вот! Если ученый, то что выучишь?

– Она хочет узнать вашу специальность! – брезгливым тоном пояснила старуха. – Что вы там, в институте изучаете?

– Зачем это вам? – он уже сделал шаг от них.

– У нас много бабла! – неожиданно просительно пропела Ева. – Мы хорошо плачу! Нам нужен помощь! Ваш помощь!

Виктор резко обернулся к этим странным дамочкам.

– В чем помощь? В чем она должна заключаться?

– Штука баксов! – почти страдальчески выкрикнула жопастая. – Он уже у тебя!..

В этот момент Ксения хлопнула дверью и газанула, отъезжая. Надо было бы махнуть ей, придерживая, но штука баксов это штука баксов, возможно не последняя! К тому же кожа на девице, включая ботфорты, была явно натуральной!

(уже в гостинице)

И тут началось. Виолетта с тяжелым вздохом опустилась в другое кресло и включила телик, по которому шло какое-то постановочное шоу, якобы диспут. А неестественно оживленная эстонка достала из шкафа чемодан и раскрыла его на диване. Она все время пыталась что-то сказать, вернее, выразить на русском, но у нее не получалось.

– Дядя усеный!.. Делай так!.. Делай так!.. Наследник нет!.. Дядя крикнул!.. – при этом эта сумасшедшая выкладывала странные вещи: мотоциклетный шлем с подсоединенным

к нему кабелем, гидрокостюм – тоже с проводами, ноутбук с соединениями различных форм и еще кое-что по мелочи. Костюм она сразу вывернула наизнанку и принялась протирать тампоном со спиртом.

– Это что? – наконец спросил Виктор.

Когда он был маленьким, мать таскала его за собой по гостиным. И там он, приученный почти с рождения, мог сидеть часами без движения. За это его очень хвалили хозяйки, и мать потом непременно покупала какое-нибудь лакомство – поощряла эту терпеливость. В случае же неповиновения – жуткая порка сеткой авоськи. Вот и теперь он словно бы снова оказался в детстве, и, оказалось, довольно трудно стряхнуть это нелегкое очарование. Толстожопая эстонка словно бы и не слышала вопроса – продолжала с каким-то младенческим лепетом дезинфицировать костюм. Любовно, – натурально любовно! – поглаживая ватой в алкоголе все внутренние поверхности.

– Что это? – снова повторил он.

– Сто? – подняла, наконец, косые разноцветные глаза на него девица. – Сто надо?

Он глубоко и протяжно вздохнул, демонстративно набираясь терпения.

– Надо знать, что это такое!?

– А-а, это! – эстонка рассмеялась. – Это Пе-Те-О!

– Что? – не понял он.

Пожилая неохотно оторвалась от экрана и лениво проце-

дила сквозь зубы:

– Передатчик телесных ощущений.

– Тактильных! – во весь голос поправила ее Ева и повторила по слогам, – так-тиль-ных! В этой костюме есть приборчики! А это приемник! Другой там трогает кого-то или его кто-то трогает, а ты чувствуешь! Ясно?

– Почти. Это приемник тактильных ощущений, верно?

– Тосьно!

– А где передатчик? От кого идет сигнал?

– А нет! Есть только запись! Для пробы! Хочешь попробовать?

– Сначала я хочу разобраться!

Ева вздохнула и с очень серьезным видом принялась складывать костюм. Пробурчала, не поднимая глаз:

– Верни бабло!

– Нет, нет! Вы не правильно поняли! – он слегка привстал в кресле. – Я просто хочу убедиться, что это безопасно!

Девка сощурила косые глаза:

– Я пробовал! Он пробовал! Мы живой! И мы не больной!

– Кто он?

– Вайолет!

Старуха Виола вздохнула снова:

– Это она про меня!

Виктор на мгновение замер, уставившись в пространство перед собой, затем мягко шлепнул ладонями по коленям:

– Ладно! Но я сам сперва продезинфицирую!

Когда он очень тщательно протер костюм внутри, израсходовав почти пятьсот грамм спирта, и наконец, облачился, заставив предварительно их выйти, он все равно еще не решился окончательно. Постучав в дверь, он стал очень внимательно вглядываться в их лица – не насмешка ли все это? Он готов был в любой момент сорвать все с себя и переодеться. Но младшая Ева принялась подключать соединения с ноутбуком. В том числе и от шлема.

– А разве тут нет блютуза?

– Блютуза? Мы и не смотреть! – она нашла это соединение в меню и блямкнула на него.

В шлеме сразу засветилось.

И Виктор его одел. Чтоб посмотреть.

Подошвами он ощутил шершавость усыпанной хвоей песчаной дорожки. Хвою он увидел вместе с огромными соснами над головой. Облаков в небе не наблюдалось, низко висящее солнце ласкало бор золотистым светом. Тот, чье тело он примерял, обернулся на двухэтажный особняк. На крытом крыльце которого стояла полноватая смеющаяся тетка в застиранном синем халатике. Тетка помахала рукой, и он ответил ей тем же. После чего отвернулся и стал медленно спускаться по тропке к воде.

Он прекрасно видел «свои» крепкие руки с закатанными клетчатými рукавами и босые ноги в голубых «линялых» джинсах. На безымянном пальце левой руки сверкало кольцо.

*И кисти «его» рук не были кистями работяги. Хоть это
утешало!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.